

Руф ДИБЛЕР

**ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА:
МУХАММАД САЛИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В УЗБЕКИСТАНЕ
В 1979-1995 ГОДАХ
(перевод с английского)**

**Индианский университет
Блумингтон, США
1996**

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	3
Введение	6
Глава первая – (1977-1985)	13
Глава вторая – (1986-1989)	21
Глава третья – (1989-1992)	40
Глава четвертая – (1992-начало 1995).....	52
Заключение	64

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Редактируя текст исследования сотрудницы Университета Индианы (США) Ruth Diebler «Мухаммад Салих и политические преобразования в Узбекистане в 1979-1995 годах», посвященного анализу эволюции социально-политических процессов в период новейшей истории Узбекистана, у меня невольно возник вопрос о том, в какой мере оправдывает себя стремление автора рассмотреть этот период через призму становления персональной судьбы главного героя исследования – поэта и лидера узбекской оппозиции Мухаммада Салиха?

Ответ на это вопрос лежит в анализе той роли, которую сыграла национальная творческая интеллигенция Узбекистана (не только Узбекистана, но и других республик центрально-азиатского региона) в процессе развития идеи национального возрождения, приведшего к образованию в 1991 году суверенных национально-государственных образований.

Именно этим обстоятельством – определением роли и значения национальной интеллигенции в качестве катализатора процесса борьбы за национально-государственное возрождение – вызвана необходимость в предварительном очерке-эскизе, воспроизводящем основные этапы этих событий. Логика этой борьбы привела интеллигенцию к пониманию того, что только подлинный национально-государственный суверенитет может спасти их народы от неизбежной денационализации, а национальную культуру – от полного исчезновения.

Однако, для ясного осознания своих подлинных целей интеллигенции необходимо было преодолеть иллюзии, возникшие под влиянием монопольно господствующих в тогдашнем Советском Союзе идеологических и культурологических клише советской пропаганды.

В 70-е годы во всех республиках Советского Союза активизировался процесс поиска своей национальной идентификации. Во многом это было реакцией национальной интеллигенции на ужесточившийся курс на денационализацию, проводимый идеологическим аппаратом ЦК КПСС, носящий в различных регионах и союзных республиках разносторонний характер.

Главная задача движения за возрождение национальной культуры состояла, по убеждению его участников, в либерализации политики компартии в решении национальных вопросов. Средства для сопротивления изыскивались в той же марсистско-ленинской идеологии, которой руководствовались в своих действиях власти и состояли, прежде всего в том, чтобы опровергнуть тезис о «внеисторичности» своих

национальных культур, насаждаемый большевистской пропагандой. Для этого тщательно инвентаризировалось марксистско-ленинское наследие и документы компартийных съездов, из них извлекались отдельные положения, тезисы и цитаты, в которых, как бы имплицитно, содержалось оправдание существования национальных культур.

В определенном смысле это удавалось и в печати появлялись исследования ученых-гуманитариев, а также художественные произведения, в которых, в той или иной мере, посредством метафор, иносказаний и намеков, прорывались отрывочные сведения об историческом наследии той или иной национальной культуры.

Правда и идеологи не теряли присущей им всегда бдительности. Время от времени в партийной печати публиковались статьи-инвективы, в которых разоблачалась «идеализация прошлого», а авторы уличались «в отсутствии классового подхода в понимании прогрессивного развития истории», а также «в недостаточном понимании сути марксистско-ленинского учения об интернационализме».

На какое-то время на научное исследование или на художественное произведение, попавшее в поле критики идеологов, накладывался арест и оно отправлялось «в стол» либо пылилось «на полке», а ее автор попадал в опалу. Однако уже в то время стало все более и более отчетливо ощущаться, что «процесс пошел», как впоследствии выразился один советский реформатор.

В сложившейся ситуации воспроизведение правдивых исторических реалий становилось приоритетной задачей историко-художественного исследования и, даже в ущерб его эстетическим качествам, превращалось в фактор гражданского и политического взросления общества.

Этот, поначалу, спонтанный процесс, постепенно приобретал свою идейную артикуляцию и понятийный аппарат и, по мере вызревания идеи национального возрождения, из дискурса марксистско-ленинской доктрины интернационализации и классовой дифференциации общества перешел в открытый призыв к национально-государственному суверенитету.

Уже к концу 80-х годов представители творческой интеллигенции, пользующиеся высочайшим авторитетом и влиянием в широких общественных кругах, стали лидерами начавшегося повсеместно процесса демократического преобразования общества, в котором тезис А. Сахарова о конвергации двух противостоящих систем – капиталистического Запада и социалистического Востока стал приобретать нарастающую актуальность. В союзных республиках демократизация понималась еще и как действенное средство для достижения национально-государственного суверенитета.

Работа Ruth Diebler, конечно-же, не лишена изъянов, причина которых лежат в недостаточной осведомленности автора о многих событиях и фактах, оказавшихся вне поля ее внимания. Согласитесь все же, что в условиях жесточайших цензурных запретов на распростра-

нение достоверной информации, этот недостаток выступает в качестве иллюстрации к неутешительным выводам автора об отсутствии в Узбекистане демократических свобод и гласности. Вначале своего исследования автор пыталась беспристрастно изучить ситуацию, но, по мере погружения в тему, позиция непредвзятости радикально меняется – она плохо (или совсем не) скрывает своего резко негативного отношения к правящему режиму, приведшему страну и народ к экономическому и социальному упадку. Если считать это недостатком, то позволительно будет спросить: какого рода достоинств необходимо пожелать автору, который исходит в своих суждениях из позиций гуманизма и элементарного сочувствия по отношению к людям и к стране, оказавшимися в столь драматической ситуации?..

Не могу не обратить внимание еще на одно – строя логику своего исследования, автор прибегает к не столь чисто употребляемому в научных текстах приему, состоящему в повторах уже сказанного.

Однако, это, скорее, риторический прием, в котором рефреном повторяющееся положение, или вывод, служит его суггестивному усилению и, одновременно, характеризует интонационную особенность индивидуального почерка.

Автор легко опровергает главный тезис каримовского режима о том, что демократизация узбекского общества чревата социальными потрясениями, подобными тем, что привели к гражданской войне в соседнем Таджикистане. По мнению автора, истинные причины кровавых столкновений в Таджикистане лежат отнюдь не в переизбытке гражданских свобод, а совсем в иной плоскости, исследование которых должно нести самостоятельный характер. В этом смысле любая попытка режима оправдать отсутствие в своей стране демократических свобод является ни чем иным, как циничным глумлением над принятыми во всем цивилизованном мире гуманистическими ценностями, а значит – преступлением перед человечеством.

Впрочем, назначение любого предисловия состоит в том, чтобы подготовить восприятие потенциального читателя к адекватному восприятию текста, а отнюдь не в воздействии на него. Эта аксиома не позволяет мне нарушать регламент жанра предисловия. А потому, любезный читатель, оставляю тебя наедине с текстом.

Ruth Diebler заглянула за информационный забор, возведенный от посторонних глаз режимом Каримова и увидела нищету и бесправие народа, низость и цинизм властей. Но она увидела и другое – ту здоровую силу узбекской оппозиции в лице Мухаммада Салиха, которая способна взять на себя тяжелое бремя спасения своего народа от нищеты и унижения.

Рустем ДЖАНГУЖИН

ВВЕДЕНИЕ

В конце 70-х, начале 80-х годов в Советском Союзе наметились существенные перемены. После смерти Леонида Брежнева в 1982 году, лидеры Юрий Андропов и Константин Черненко пытались притормозить неукротимый развал социалистической системы.[1]

Когда в марте 1985 года к власти пришел Михаил Горбачев, он начал экономическую реформу под лозунгами перестройки и ускорения в контексте очищения ленинских идей от «всего наносного». Обеспечение необходимых для этого мер посредством гласности считалось в те годы важнейшей составной компонентой перемен, поскольку посредством гласности достигался эффективный общественный контроль, и гарантировалась необратимость перемен, характеризующих курс КПСС по направлению к либерализации.

Все эти изменения неизбежно повлияли на меняющийся характер общественно-политических ориентаций в республиках тогдашнего СССР. Характерно при этом, что на лидирующие позиции политической борьбы выдвинулись представители художественной интеллигенции, которые требовали, например, политической реабилитации репрессированных за весь советский период общественно-политических деятелей, также открыто выступали против недостатков советского режима. Они сыграли большую роль в деле национального возрождения народов тогдашнего СССР. Так было и в Узбекистане. И Мухаммад Салих – современный писатель – был одним из них.

Творчество и политика тесно переплетены в жизни Салиха. Свои мысли относительно событий, происходящих в жизни общества, он преобразовывает в энергичные и яркие образы, призывающие к позитивным переменам. Все развитие его творчества связано с общественно-политическим развитием Узбекистана с середины 70-х годов по сегодняшний день.

Весьма характерно при этом эволюция стиля произведений Салиха: от образности и символизма, вначале, к прямой политической публицистичности, в последующем. Эти изменения точно соответствуют эволюции общественно-политической атмосферы в Узбекистане: от закрытого колонизированного общества в СССР к политической независимости его страны. Причем, можно утверждать, что идея независимости и национально-культурного возрождения формировалась в обществе именно в эти годы.

Первым периодом в творчестве Салиха, равно как и в общественно-политической атмосфере узбекского общества был период с 1977

по 1985 годы, на протяжении которого уже существовала ограниченная свобода политического волеизлияния.

В этот период представители художественного творчества использовали в своих художественно-публицистических произведениях индифферентные образы, такой «эзопов язык», посредством которого проводили в сознание общества свои идеи свободомыслия.

Второй период начинается в раннюю эпоху Михаила Горбачева с введением гласности (в 1986 г.).

В конце третьего периода (1989-1992 гг.), в сентябре 1989 года Узбекистан принял закон о языке. Немного позже (в 1991 г.), провозгласил государственную независимость и провел первые президентские выборы.

Наконец, в период с 1992 по настоящее время, президент Узбекистана И.Каримов, установил свое жесткое авторитарное правление.

Дорога к независимости была долгой и для того, чтобы лучше понять события, описанные в данной работе, необходимо осуществить краткое ретроспективное знакомство с новой и новейшей историей Узбекистана.

Перед тем, как Узбекистан стал одной из республик Советского Союза, значительная часть его территории входила в состав великого Туркестана, который, начиная с 19 века, был колонизирован Российской империей. Механизм колониальной экспансии Российской империи на территории Центральной Азии состоял в заключении торгово-экономических соглашений с последующим установлением военных и административных центров, благодаря которым проводились уже откровенная политика навязывания собственных имперских интересов.

Вскоре, после большевистского переворота (1917 г.), советское правительство разделило Туркестан и входившие в его состав Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства на пять национально-государственных образований – союзных республик.

Децентрализация региона являлась частью стратегии московских властей, целью которой было ослабление Центральной Азии, как потенциально сильного и монолитного национально-государственного образования с одновременным установлением жесткого контроля над административной элитой новообразованных советских социалистических республик. Благодаря осуществленным мерам, на территории, в прошлом достаточно единого региона, образовались дисперсные национально-государственные образования со своими национальными языками. В частности, Узбекистан и узбекский язык.

Следующим проектом, позволяющим создать надежный механизм жесткого подчинения этнических групп единой советской страны и обеспечивающего приоритетную роль русского языка, культуры и истории была, так называемая, «сталинская чистка» 30-х годов, охватившая весь Советский Союз. Для беспрепятственного внедрения социалистической идеологии, сталинский режим провел тотальную

репрессию, направленную на уничтожение национальной интеллигенции во всей стране, включая и узбеков. В дополнение к непосредственному уничтожению и заключению в концентрационные лагеря была заново отредактированы национальная история и культура. Московское правительство радикально переработало смысл и направление развития национальной истории и культуры— отныне полагалось писать и прославлять только российские походы и завоевания как исторически-прогрессивные, русскую культуру, как наиболее передовую. Соответственно, собственную национальную культуру, как неразвитую, исторически бесперспективную и второстепенную, в сравнении с русской.

Начиная с 30-х годов, Москва целенаправленно и последовательно проводила курс на унификацию национальных культур посредством их русификации и ограничения функционирования национальных языков. Таким образом, узбеки, как и другие представители национальных советских социалистических республик, были вынуждены пользоваться русским языком при общении, при обращении в административные и правительственные учреждения. Вся система образования подчеркивала приоритетное значение русского языка: большинство дисциплин преподавалось в средних и высших учебных заведениях на русском языке. Диссертации кандидатов и докторов наук принимались к защите исключительно на русском языке. Более того, знание русского языка стало критерием, определяющим культурный уровень, социальный и профессиональный статус человека.

Несомненно, что все вышеперечисленное негативнейшим образом влияло на национальное чувство культуры и самоидентификации. Однако, еще в большей мере— ориентация всей совокупной производственно-экономической инфраструктуры республики, жестко ориентированной на монокультуру хлопчатника. Эта экономическая политика оказала разрушительное воздействие на культуру, экономику, экологию, здоровье и просвещение, поскольку вся энергия народа была направлена на выращивание и сбор все возрастающего количества хлопчатника— стратегического для СССР сырья.

Надо сказать, что культура возделывания хлопчатника в южном поясе Центральной Азии возникла еще в незапамятные времена. Но издревле народ возделывал хлопчатник наряду с другими сельскохозяйственными культурами. С начала колонизации региона российское правительство значительно расширило земли, отводимые для возделывания хлопка, в результате чего баланс сельскохозяйственного производства был существенно нарушен и, вследствие этого, оказался в критическом состоянии. Большевицкое правительство пошло еще дальше, заставляя население все больше и больше расширять площади под возделывание хлопчатника, оно окончательно разрушило веками отлаженную структуру хозяйственно-экономического уклада, превратив весь Узбекистан в одну большую хлопковую плантацию. Из республики вывозилось сырье для переработки его на фабриках России по ценам значительно более низким, чем рыночные. Одновременно,

почти полностью прекратилось выращивание зерновых и овощных культур. Эта политика ставила Узбекистан в жесткую зависимость от российского импорта. Увеличение площадей под хлопчатник, строительство неэффективной ирригационной системы, использование неоправданно высокого количества пестицидов и других химических препаратов для повышения урожайности хлопчатника, привели в ряде мест, к осушению, местами – к заболачиванию почв, дефициту питьевой воды, загрязнению воздуха и резкому ухудшению здоровья всего населения. Несмотря на то, что уже с 60-х годов ученые забили тревогу о катастрофическом сокращении объема воды в Аральском море, хлопковая экспансия в регионе не только продолжалась, но и усиливалась. Весь этот совокупный комплекс экономических, экологических, социально-культурных причин вел узбекское общество к обнищанию, потере физического и духовного здоровья и человеческого достоинства. Весь этот мир, обреченный на необратимые потери всего того, чем он ценен в глазах человека, был миром, в котором родился и рос поэт Мухаммад Салих. Понимание этого мира дает возможность понять обстоятельства, сформировавшие личность Салиха, как поэта, публициста, общественного и политического деятеля, осознавшего и осуществившего свое предназначение как гражданина своей страны.

Мухаммад Салих родился 20 декабря 1949 года в маленьком кишлаке Янги-базар Хорезмской области. После окончания школы в 1968 году был призван на службу в армию и направлен в Чехословакию, где впервые столкнулся с невиданным у себя на родине открытым сопротивлением народа правящему режиму. Именно там, в Чехословакии, он сделал для себя открытие, что режиму, который подавляет народ, можно и необходимо сопротивляться.

По возвращению из армии, с 1970 по 1975 годы, он учится на факультете журналистики в Ташкентском университете, а после его окончания продолжает учебу на Высших литературных курсах при Институте литературы им. Горького в Москве.

Учеба на высших литературных курсах позволила ему глубже развить свое литературное мастерство, шире изучить работы других писателей страны.

По завершению учебы в Москве он работает в Союзе писателей Узбекистана, а в 1988 году избирается секретарем этого Союза.

Первые стихи были написаны Мухаммад Салихом еще в юности и датируются 1966 годом, а уже к концу 90-х годов его творческий багаж составили 12 книг, в содержание которых вошли прозаические и поэтические произведения.

Генерация его сверстников, в силу обстоятельств и времени своего рождения, несло в себе как бы пороговое состояние: его сверстники не застали чисток 30-х и 50-х годов, не были замучены репрессиями. Напротив, «хрущевская оттепель», хотя и не в такой степени как в центральных российских городах, все же достигла Узбекистана, внося в общественное сознание ферменты демократии и свободомыслия. Кро-

ме того, получив хорошее образование, по началу в Ташкенте, а в последующем, в Москве, Салих вошел в элитные круги своей республики, получавшей определенные материальные и властные привилегии.

Следует отметить, что публикация произведения Салиха в Узбекистане во многом зависит от временного периода либерализации политической атмосферы и от его умения придать своим мыслям приемлемый для местной цензуры облик. Большая часть произведений позже была опубликована в Узбекистане, некоторые из них переведены на другие языки и даже изданы за рубежом. Широкому читателю Салих известен, благодаря своей поэзии. Но он также писал небольшие эссе, а в более поздний период своего творчества, по преимуществу, политические статьи и эссе, посвященные положению узбекского общества. Показательно то, что большая часть из публицистических и политических статей Салиха появились в печати только после 90-х годов, что свидетельствует о неприятии официозом резких и дерзких суждений поэта о происходящем в республике. К слову, большинство из работ Салиха, анализируемых в данном исследовании, представляют блок неопубликованного политического творчества их автора. В тех же случаях, когда та или иная работа была все же опубликована в республиканской печати, мы, в своих комментариях, специально это отметим, поскольку обстоятельства, при которых комментируемая работа издается, либо не издается, играет важную роль в развитии логики данного исследования.

Произведения Салиха, анализируемые в нашем исследовании, написаны их автором в период между 1977-1995 гг. и соответствуют периодизации политического развития Узбекистана, определенной нами выше.

На протяжении всех, анализируемых нами в данной работе периодов, прослеживается четкая взаимосвязь мировоззренческих установок и стиля изложения автора с эволюцией политической ситуации в республике. В некоторой степени сюжеты и тематика выступлений меняются. Однако общая направленность на усиление значимости узбекского языка для жизни социума проявляются в них с неизменной отчетливостью. С целью лучшего понимания других произведений Салиха, данная работа будет начата, с анализа их взаимоотношения с политической ситуацией, как с социально-культурным контекстом, с ситуативной средой, в которой они были созданы. К примеру, в статье, написанной в 1977 году.

В тот год Узбекистан мобилизовал все людские ресурсы на выполнение очередного плана по сдаче госзаказа на сбор хлопчатника. Ни экологические проблемы, ни ухудшающееся здоровье населения республики, которые все более отчетливо проявляли себя, не влияли в глазах администрации, а решение первоочередной задачи – выполнение плана по уборке урожая. Население, вследствие неосведомленности об угрозах своему здоровью со стороны ухудшившихся условий окружающей среды и, не в последнюю очередь, из-за своей запуганности, так же молчало. Работы Салиха, посвященные этой ситуации, в которых автор использует иносказательные образы и символы, по-

казывают атмосферу бесправия народа в закрытом обществе, каковым являлся Узбекистан.

На протяжении следующего периода (с 1985-1989 гг.), благодаря гласности и перестройке, в обществе наметились некоторые позитивные перемены. Москва, хотя и с оговорками и ограничениями, стала позволять поднимать и открыто обсуждать некоторые проблемы, связанные с экологией, национальной историей и культурой. По инициативе КПСС начались кампании по выявлению и вытеснению с руководящих постов «испорченных», «запятнавших коммунистическую честь», должностных лиц, а у прессы появилось больше свобод по освещению начавшихся перемен. В этот период работы Салиха стали более открытыми – в них проявилась большая резкость и адресность. Порой Салих становится настолько дерзок, что безбоязненно и открыто выступает против некоторых позиций политики московских властей.

Начиная с середины 1989 года, пространство гласности в республике несколько ограничивается, и возникла тенденция к сокращению гражданских свобод. Несмотря на то, что Узбекистан, сразу же после «августовского путча» (1991 г.), провозгласил государственный суверенитет, сколько-нибудь заметных позитивных изменений в узбекском обществе не произошло.

Незначительная или вовсе не существующая основа для реальной независимости республики вынудила власти оперативно создавать видимость экономически и социально жизнеспособной нации. Осуществляя жесткий авторитарный контроль над различными социальными группами населения, Президент Узбекистана Ислам Каримов демонстрировал внешнюю стабильность и независимость возглавляемой им республики. Внутри же республики он проводил политику целенаправленного подавления всякого инакомыслия.

В этот период Салих активно вовлекается в политическую жизнь республики. Его выступления, по крайней мере доступные публике, были по своему характеру остро политичны и отражали главные векторы развития политических процессов в Узбекистане, попытки воздействовать на них с позиций либерализма и демократии.

Последний период нашего исследования датируется 1992-1995 годами. Для него характерно ужесточение авторитарного режима Каримова, при котором достигается полный контроль над прессой и тотальные репрессии, направленные против инакомыслящих в области идеологии, социально-экономический кризис, приведший нацию к массовому обнищанию. В этот период политические выступления Салиха направлены против существующего правящего режима. Реакция Каримова не замедлила сказаться – в 1993 году Салих был вынужден покинуть свою родину и продолжать сопротивление властям Узбекистана из-за рубежа.

Работы, изданные Салихом за границей, полны открытого неприятия политики узбекских властей. Они полны горечи, резки и не оставляют ему путей для компромиссов с режимом.

[1] *Первый, путем ужесточенного администрирования производственной и социальной сфер, а также в попытке переместить внимание общественности на резонансные судебные процессы (так называемые «краснодарское дело», «ростовское дело», «узбекское дело»). Второй, за счет усиления роли социалистической идеологии на общественное сознание (Примечание ред.).*

ГЛАВА ПЕРВАЯ (1977-1985 гг.)

Для анализа произведений Салиха период с 1977 по 1985 гг. представляется чрезвычайно важным, поскольку он является базой для дальнейшего сопоставления его с последующими периодами.

Данный период длился до начала объявленной М. Горбачевым гласности и перестройки. Разумеется, в Узбекистане, во время этого периода такие проблемы, как обмеление и высыхание Аральского моря, дефицит питьевой воды, ухудшение здоровья населения, безработица и высокие темпы роста населения, существовали. Однако, из-за усиливающегося давления Москвы, требующей безусловного выполнения нарастающих ежегодно планов поставки хлопка, какой-либо конструктивной деятельности от узбекских властей по предотвращению нарастающих бедствий, ждать не приходилось, поскольку местные власти, небезосновательно, остерегались гнева всемогущего Центра. В соответствии с этим и пресса, и отдельные граждане республики не отваживались открыто протестовать или высказывать свое недовольство по поводу сложившейся реальности. Это был период полного произвола и бдительного контроля Москвы за всем, что происходило на периферии.

В своих произведениях этого периода, Салих, используя фигуры иносказания и символов, высказывал свои суждения по поводу отчаянного положения народа. В этот период тематика его выступлений была ориентирована на три основные темы.

Первую тему можно проиллюстрировать циклом публицистических статей, объединенных циклом под названием «Письма к моему младшему брату» [2] (1979), которая прозвучала криком души, призывом к своему народу – узбекам не следовать слепо советской идеологии, а думать самостоятельно.

Вторая тема этого периода прослеживается в содержании эссе, состоящего из трех частей о статуях: «Заблудившиеся памятники» (1979), «Те, кто остаются одни» и «Встреча» выражают протест против российского присутствия в Узбекистане – оплот неограниченной власти и неусыпного контроля над узбекским народом.

В своих эссе Салих изображает русских колонизаторов жестокими, упрямыми, лживыми и даже немного глупыми.

И последняя тема первого периода, повторяющаяся рефреном на протяжении всего творчества Салиха – важность, высокая духовная значимость узбекского языка.

Тема языка представлена двумя стихотворениями Салиха: «На чу-

жой земле» и «Говори на тюркском»[3]. Первое стихотворение было написано автором в 1982 году и «лежала в столе» до 1986 года. Вторая – в 1981 году, а опубликована в 1990. Даты публикаций говорят о неоднозначном для политического климата того времени характере произведений и постепенное развитие свободы слова в обществе. Интересно отметить, что дата издания стихотворения «На чужой земле» (1986 г.) совпадает со временем, когда в Узбекистане усилились требования конституционно определить узбекский язык в качестве государственного языка республики. Остается только гадать – по каким соображениям власти Узбекистана задерживали издание «Говори по тюркски», которая вышла в свет уже после принятия закона о статусе узбекского языка и за год до провозглашения Узбекистаном государственной независимости.

Как уже говорилось выше, первый цикл публицистических статей Салиха, анализируемый нами в начальном периоде его творчества начинается с цикла статей «Письмо к младшему брату». В этом цикле находит свое выражение громкий призыв к своему народу избавиться от колониального сознания – осознать окружающую жизнь под углом зрения своих собственных позиций и интересов. Работа предваряет серию коротких эссе и публицистических статей под общим заголовком «Неспящий глаз страдания».

Этим циклом начинается период творчества Салиха с 1977 по 1985 годы – основным тезисом которого выступает мысль о пробуждении сознания узбеков, стремление привести в его содержание понимание того, что все бедствия, обрушившиеся на народ, происходят от действий центрального правительства и недопустимой пассивности самого народа. Для того, чтобы избавиться от нищеты и унижений, необходимо вернуть утраченное достоинство родного языка, осознать его глубину и богатство, а не следовать покорно курсу, навязанному московскими властями.

Сюжет «Письма...» – написание своему младшему брату о важности и значении чтения для духовного становления. Обращаясь к брату, автор рассказывает ему о мальчике времен последней войны, который учился грамоте, читая солдатские письма, приходившие с фронта. Родители мальчика не в состоянии приобрести книги и он читает все, что только удастся ему прочесть. Именно поэтому, его «главной библиотекой» становятся письма, приходившие с войны: «белые» – от тех, кто сумел выжить, «черные» – сообщения о гибели солдат – земляков.

В тех немногих книгах, что достаются мальчику, особое его внимание занимает иллюстрация. Он открывает для себя, что в них заложено специфическое указание, некая «инструкция», которой следует неукоснительно следовать всем узбекам, поскольку в них заложен определенный способ видения вещей и событий, не дающий возможности для иных, не обозначенных рисунком отклонений, диктуемых фантазией читателя.

«Каждая иллюстрация в книге создает препятствие для его воображения. Если ребенок нарисовал в своем представлении тот или

иной образ героя, то иллюстрация, жестко опровергает его, говоря: «Нет! На самом деле он не такой! Вот как он выглядит: взгляни!». Столь явное и потому нетерпимое неприятие собственного воображения, противостоящим ему изображением в книге, заставляет ребенка уничтожить его. В этом поступке находит свое выражение стихийный протест против всего того, что навязывается извне, подавляет самостоятельное стремление ребенка формировать свое собственное понимание текста.

Рассказ заканчивается тем, что однажды, поздней ночью, мальчик засыпает над книгой. Его меховая шапка, лежащая у печи, загорается и в результате возникает пожар, от которого сгорает почти все, что есть в доме. После этого случая, родители мальчика запрещают ему читать по вечерам, а книга исчезает. Остается неизвестным: то ли ее уничтожил огонь, то ли родители.

В заключении истории автор утверждает, что читая книгу, ни в коем случае нельзя дремать, ибо задремав, можно навлечь на дом опасность. Говоря иначе, чтение подразумевает сосредоточенность и внимание, поскольку усталость – (6)[4] порождает вялость, безразличие и приводит ко сну. Утверждая это, Салих делает вывод, что узбеки, устав читать и самостоятельно судить о прочитанном и полагаясь больше на иллюстрации – декреты, и директивы, умело навязанные компартийной властью, уснули и, как следствие, утратили самостоятельный контроль над происходящим в их жизни. До того, как они смогут самостоятельно судить о своей судьбе, вспыхнет огонь и книги будут уничтожены пожаром.

Последний совет, который дает автор своему брату, состоит в том, что не книги без иллюстраций, а книги без идей усыпляют сознание читателя. «Твои учителя говорят тебе, что читать книги с вредной идеологией нельзя. Я же говорю: не читай книг, не содержащих идей» (6).

Следующей темой исследуемого периода в творчестве Салиха, логично следующей из предыдущей, становится эссе «Заблудившиеся памятники» (1979). В этом эссе дается наглядное описание идеологического присутствия России. Автор отмечает невежество русских, их безразличие к той земле, в которую они пришли, неосведомленность по отношению к ее истории и культуре. Эта тема вошла в содержание трех фрагментов, составляющих эссе, о памятниках русским писателям, воздвигнутым в центре Ташкента.

В первом фрагменте эссе Салих сравнивает памятники с людьми, стоящими в очередь за хлебом. Эти молчаливые фигуры «словно держат в руках свои собственные сердца» (66). Никому из стоящих в длинной очереди, ни старикам, ветеранам и героям войны и труда, ни религиозным лидерам не позволено брать хлеб без очереди, как это происходит в действительности. Потому что в очереди стоят не живые люди, а статуи. К тому же они, пришедшие на эту землю с чужбины, не знакомы друг другу. Салих пишет: «Действительно, многие наши скульптурные памятники не знают: где и по какой причине они здесь оказались, зачем они сюда пришли. Кто-то притащил их и поставил в

какой-то аллее или посредине какой-нибудь площади, словно пообещав: «постойте здесь минутку, а я скоро вернусь», а потом исчезает, чтобы больше никогда не возвратиться.

Стоя в одиночестве на чуждой для них земле, они смотрят на другие памятники, силясь вспомнить, где они встречались раньше...».

В следующем эпизоде Салих проводит различие между скульптурными памятниками, стоящими вместе в ряд и памятниками, стоящими на персонально отведенных для них площадях и скверах. По этому поводу он, не без иронии, пишет: «счастливые памятники стоят сами по себе в глубине аллеи», – перефразируя при этом известный афоризм о том, что «великий человек – это всегда одинокий человек», который оказывается применим для подобной статуи (67).

Как правило, такие памятники стоят, держа в руках раскрытую книгу, как бы углубившись в чтение, чтобы скоротать время долгого ожидания перед возвращением на родину.

Во второй части эссе, несущем название «Те, кто стоят одни» – Салих пишет: «Поклонник Байрона проходя мимо памятника Пушкину может воскликнуть: «Почему здесь стоит Пушкин, а не Байрон?» Вы хотите ответить ему мгновенно, но не получается, потому что вы сами не знаете, почему здесь стоит именно Пушкин, а не другой. Но, через некоторое время, вы находите ответ: «Пушкин стоит здесь потому, что любил Узбекистан».

Салих саркастически восклицает: «Да знаете ли вы (истинную) причину дуэли между Пушкиным и Дантесом! Причиной был Узбекистан!».

В последующем, Салих развивает тему: «Плакучие ивы, окружающие памятник великому поэту, тихо поют ему песню. Обычно, восточный человек, слушая песню, начинает невольно покачивать головой в такт музыке. Однако скульптуры этого делать не могут. Особенно скульптура Пушкина. Европейец, в отличие от восточного человека присоединяется музыке не покачиванием головой, а притоптыванием ног».

Если вы, проходя мимо памятника Пушкину, присмотритесь, то вы увидите, как тихо притоптывает поэт, проникаясь всем своим непроницаемым бронзовым телом к музыке, незнакомаго ему восточного народа...

Чуть дальше, на другой площади, стоит другой великий человек, – пишет далее Салих, имея ввиду памятник Максиму Горькому – Проходя мимо этого памятника, знайте, что пролетарский писатель, любящий простых людей, непременно обрадуется вам. И с этой уверенностью вы обращаетесь к нему:

– Какой ветер занес вас сюда, дорогой Алексей Максимович!

Но писатель не обернется к вам, потому что не может повернуть шею. Поскольку, шеи у памятников (из бронзы) слишком толсты и жестки. Чтобы их повернуть (свернуть), нужно, по крайней мере, сто лет.

И вообще, ваш вопрос крайне наивен, обычные ветры могут «подхватить» и «занести» нас с вами – простых людей, но они не в силах сдвинуть эти тяжелые памятники. Чтобы их сдвинуть, нужны не ветры, а ураганы социальных перемен. Например, ураган революции, который способен перенести эти памятники на такие далекие земли, как, скажем, на центральные улицы Ташкента...».

В последней части анализируемого эссе, Салих рассуждает о образах скульптурных памятников и их пластическом воплощении. Пародировав над искусствоведческими штампами апологетов социалистического реализма, он пишет: «если скульптор (политически) дальновиден, то и его образ – стоящий на пьедестале памятник – также непременно вглядывается вдаль. Если скульптор – человек энергичный, то и созданное им произведение будет изображать порыв. К примеру, пролетарский писатель Максим Горький, в соответствии с требованиями теории соцреализма, изображается автором «в энергичном порыве».

Следует однако опасаться того, что если этот порыв искренен, то Горький когда-нибудь спрыгнет со своего пьедестала и придет к Пушкину. Возможно, тогда, познакомившись и пообщавшись друг с другом, они осознают, что не по собственной воле оба оказались вдали от родины, на чужбине.

Тогда Пушкин скажет Горькому: «Боже, как я счастлив, что встретился с вами. Но будьте столь любезны, скажите, где я?». А Горький ответит: «Честно признаться, мы не в России – вы в той же стране, что и я» (69).

Оба классика безутешно тоскуют по своей родине и не знают, когда смогут туда вернуться. Пушкин вздыхает: «Я соскучился по берегам...». Горькому хочется рассказать новому другу в ответ, что его тоска связана не только с березами, но и с великой рекой Волгой, с Нижним Новгородом, но еще более – с дорогим другом – Владимиром Ильичем Лениным, однако твердость принципов соцреализма не позволяет ему впасть в слюнтявый сентиментализм. Пушкин продолжает сокрушаться и уговаривает Горького вернуться в Россию, в Москву. Однако, по дороге, Горький обнаруживает, что забыл свою трость. Пушкин утешает его, что приехав в Россию, они позвонят в тот город, где они забыли трость. Но Горький в отчаянии восклицает: «Хорошо, позвоним, но куда мы позвоним, если мы не знаем название города, где мы все это время были?» (80).

В конце эссе, автор обращается к создателям статуй с предостережением, что «в один прекрасный день их произведения могут сойти со своих пьедесталов и отправятся туда, куда глядят их глаза» (70). Салих саркастически завершает: «Тогда, мы, поклонники великих личностей, откроем музей для забытой, знаменитой палки вождя соцреализма».

Стержневой темой анализируемого нами цикла является мысль о том, что великий человек всегда одинок. Он учится у жизни, думает и

поступает только сообразно своим целям. Одиноким люди и одинокие памятники, в отличие от тех, кто стоит «вряд» не зная того, где, на какой земле они стоят, велики. Хотя здесь применима и другое прочтение темы – возможно, говоря об одиноко стоящей статуе, автор говорит о себе. Подобное прочтение имеет свой резон: ведь Салих никогда не стоял в стороне от политической жизни своего народа, пытался активно воздействовать на нее как политический лидер.

Далее. В анализируемом эссе, статуя стоит с раскрытой книгой, а не с сердцем в руках. Отсюда следует, что вместо того, чтобы продемонстрировать свою уязвимость и неприкаянность, как выстроенные вряд памятники «с сердцем в руках», одинокий поэт-памятник держит в руках книгу, содержащую знания о жизни, пытаясь постичь ее глубинный смысл.

Салих пишет, что «стоящие вряд статуи не только не знают место, где они стоят, но и соседей – памятников, которые тоже не мигая смотрят на них». Эти соседи-памятники могут быть славянами или узбеками, что не имеет принципиального значения, все они потерянные люди (памятники). Они пытаются вспомнить друг друга хотя бы для того, чтобы узнать что общего имеют они между собой, чтобы стоять вместе. Они не понимают и культуру, где люди в такт музыки никогда «не притоптывают ногой».

Обрами этих памятников Салих выражает свое отношение к присутствию России в Центральной Азии. Но к фигуре Пушкина он относится не однозначно: памятник стоит отдельно от тех, кто стоит «вряд», тем самым Пушкин признается как великий поэт.

В части «Встреча» автор идет еще дальше в своем неприятии всего того, что насильно привнесено на его родину. «Возвращение» Пушкина и Горького в Москву символизирует возвращение всех русских на свою родину. Он выражает надежду, что так и произойдет в один прекрасный день.

В эпизоде, где Горький обнаруживает, что забыл на чужбине свою трость, Салих предлагает открыть в Ташкенте мемориальный музей, экспозицию которого будет составлять одна единственная палка. В этих мыслях содержится не только горький сарказм по поводу колониализма, но и надежда на то, что когда-нибудь, в будущем, узбекам удастся заключить советский режим в маленькую музейную экспозицию.

По Салиху, русские, живущие на узбекской земле, не хотят позитивных изменений, могущих облегчить жизнь коренного населения. В эссе «Те, кто стоят одни» Салих дает жесткие, безапелляционные оценки русским, как нации упрямой, не желающей изменить что-либо, ни в себе, ни на земле, куда они пришли. Словно толстая, неповоротливая шея их кумиров-памятников, они не повернут головы в направлении реальности, пока их не заставит сделать этого буря – социальные потрясения, революция.

Предчувствия Салиха исполнились всего лишь спустя несколько лет после написания эссе. Дошедшие до Центральной Азии радикаль-

ные изменения, принесенные гласностью и перестройкой, заставили толстую и грубую шею советской империи повернуться в сторону реальной жизни, а революционное крушение Советского Союза завершило длительный период колониальной истории Центральной Азии.

Завершающая тема произведений Салиха начального периода, посвящена родному языку, его значению для развития нации и ее культуры. С особой остротой и с отчетливой программностью эта тема прозвучала в двух стихотворениях этого периода. Хотя стихотворение «На чужбине», написанное в 1981 (опубликовано в 1986), он прямо не обозначает эту проблему. Однако, она звучит в подтексте:

Я здороваюсь по утрам на чужом языке.
Приглашают меня на завтрак на чужом языке.
Словно слепца по улицам города ведут меня
три-четыре слова чужого языка
Они показывают мне звезду на чужом языке
На заре они будят меня на чужом языке
В этом большом городе.
Я не боюсь потерять свой язык, а боюсь забыть
Те три или четыре слова чужого языка.
А моя родина – только сон.
Только во сне я говорю на своем языке.

Экспрессивное название стихотворения «Ozga elda» – «На чужбине» соответствует энергичным, страстным идеям, вложенным в него автором. Хлесткими поэтическими метафорами, Салих выражает негодование тому, что он вынужден говорить на чужом для себя языке. Язык, на котором говорят сегодня улицы его родного города, чужд ему по рождению. Живя на своей родине, он остро чувствует отсутствие родины, а родина является ему только во сне. Однако, разговоры на родном языке в снах, могут стать когда-нибудь явью, поскольку родной язык не умер – он живет во внутреннем мире поэта в ожидании того часа, когда он сможет вырваться наружу – на улицы, освобожденные от колониального присутствия.

Стихотворение «Говорите на тюркском», написанное Салихом в 1982 году (опубликовано в 1985), посвящено парадоксу говорения на узбекском языке и тому, как родной язык должен быть использован, при выражении разных чувств. Поэт настойчиво напоминает: каким бы ни было настроение, необходимо говорить на родном тюркском языке:

На тюркском говорить легко,
На тюркском говорить не так уж легко.
На этом языке говорить очень сладко,
Хотя и горько на нем говорить.
Если у вас веселое настроение,
Если вы поднялись с постели с правого бока,

Если день оказался удачным,
Если ваша вера в будущее светла –
Говорите на тюркском!
Если вы любите кого-то
И эта любовь переполняет ваше сердце –
Говорите на тюркском!
Если же вы ненавидите кого-то,
Если ваша ненависть готова прорваться наружу –
Говорите на тюркском... (121).

Оба стихотворения, хотя и выражают его страстное желание сохранить употребление языка во всех жизненных сферах, все же не столь категоричны и требовательны, какими станут в более поздние периоды творчества поэта.

Перечисленные в данной главе исследования произведения Салиха точно отражают политическую ситуацию в Узбекистане второй половины 70-х – первой половины 80-х годов, характеризующую жестким идеологическим контролем московских властей. Вполне закономерным, поэтому представляется тот факт, что ни одно из анализируемых нами произведений не было опубликовано вовремя, а ожидало ослабление идеологического влияния Центра.

В своих произведениях Салих высказывал открытое неприятие колониального присутствия России на своей родине. Он настойчиво призывает свой народ проснуться и прозреть, чтобы самостоятельно думать о том, что происходит на родной земле. Конечно, в условиях закрытого общества и политической незрелостью узбекского социума, он не мог высказывать свои мысли со всей прямотой, как стал позволять себе делать это позже. В силу этих причин для поэзии и публицистики Салиха раннего периода характерен струящийся, цветистый язык, обильное использование метафор и иносказаний. Эти стилистические приемы были необходимы поэту для того, чтобы его идеи, заложенные в стихах, прошли в печать.

С 1986 года и в последующие годы, как будет показано далее, его стиль приобретет большую открытость, равно как и политическая ситуация в Узбекистане первых лет перестройки и гласности.

ГЛАВА ВТОРАЯ (1986–1989 гг.)

Период с 1986 по 1989 гг. характерен несколькими широкомасштабными событиями, оказавшими заметное влияние на развитие политических процессов в Узбекистане. В первую очередь, это продолжение антикоррупционной кампании, начатой по инициативе Москвы в 1983 году (т.н. «узбекское дело»). Во-вторых, хотя и не столь быстро до республики дошли волны гласности и перестройки, начатые в Москве с приходом Михаила Горбачева.

Эти события незамедлили сказаться на стремлении общественности привлечь широкое внимание к актуальным проблемам республики к хлопковой монокультуре, обезвоживанию и засолению земель, высыханию Аральского моря, растущему уровню детской смертности, росту раковых заболеваний, туберкулезу, гепатиту, тифу, гастрокишечным расстройствам, врожденным дефектам, высокой токсичности молока у кормящих матерей и, пугающей своими нарастающими масштабами, социальной депрессии. (18).

Одновременно, узбекская интеллигенция начала более смело и открыто обсуждать такие, прежде закрытые, проблемы как посмертная реабилитация репрессированных в 30-е годы писателей (в частности, Чолпана и Фитрата), феномен национализма и национально-культурного возрождения, явно заниженную, в особенности в сельской местности, заработную плату, официально навязываемую властями Москвы, политику планирования семей, начавшуюся повсеместно безработицу, непреходящее значение и полноценное функционирование узбекского языка. Как будет показано в последующем, во второй части главы, люди начали чувствовать себя более свободно и уверенно в публичном выражении своих требований в предоставлении больших прав и гражданских свобод.

Как уже говорилось выше, в этот период в Узбекистане продолжилась и приобрела пропагандистский характер антикоррупционная кампания. Выбранные нами для анализа, пять произведений Салиха этого периода, в определенной степени иллюстрируют эту кампанию. Именно поэтому необходимо дать краткий очерк возникшей в этот период ситуации, раскрыть ее как некий контекст, оказавший решающее влияние на литературное творчество и эволюцию политического мировоззрения Салиха.

Как известно, кампания по борьбе с коррупцией, начавшаяся в СССР в 1983 году, сосредоточилась на выявлении коррумпированных партийных и хозяйственных руководителей. Механизм коррупции в тогдашнем Советском Союзе состоял в фальсификации отчетов о яко-

бы выполненном плане, взяточничестве, несправедливом продвижении по службе членов семей советских и партийных руководителей, а также на других формах противозаконных действий. Начиная с 1983 года, московские власти, с помощью репрессивных органов, последовательно и систематически устраняли партийно-хозяйственных руководителей, начиная с самых высоких республиканских постов и заканчивая областными начальниками среднего и мелкого уровня.

Из-за проблем, связанных с избыточно культивированной отраслью сельхозпроизводства – монокультурой хлопчатника, экологическая ситуация почти на всей территории Узбекистана стала резко ухудшаться. Ресурсы хлопковых плантаций и трудовой энергии нации были давно исчерпаны, а требования Москвы, невзирая ни на что увеличить сбор хлопка, год от года росли. В сложившейся ситуации перед руководством Узбекистана встала альтернатива: либо отправлять в Госплан СССР фиктивные сведения о выполнении планов по сбору хлопка, либо принять на себя гнев Москвы. Естественно, что партийно-хозяйственный актив республики пошел по первому пути и миллионы тонн хлопка стали возникать в фиктивных отчетных документах. В июне 1984 года, в одном из подобных отчетов было сообщено, что за последние 18 месяцев из Центрального комитета компартии Узбекистана было устранено три важных должностных лица. По терминологии того времени, растиражированной СМИ республики, кто-то из этих людей ушел на пенсию, кто-то переведен на другие посты (Шиخي, 1984-Б). Позже, однако, были опубликованы статьи, где открыто назывались имена должностных лиц и перечислялись преступные действия, в которых они обвинялись.[1]

В августе 1984 года один ученый задал публичный вопрос новым властям Узбекистана: «Что было бы с Шарафом Рашидовым (первый секретарь Узбекистана с 1958 – по день своей смерти – 31 октября 1983 года, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС)? Уволили бы его?» (Шиخي, 1984 а).

В Узбекистане антикоррупционная политика продолжалось вплоть до начала 1989 г. В августе 1984 года, один западный аналитик отмечал, что хронический дефицит продуктов и предметов первой необходимости были тесно взаимосвязаны с системой, в которой материальные награды и карьерные перспективы, были жестко детерминированы выполнением явно завышенных планов. Это и выступало здесь главными следствиями всех видов злоупотреблений. В верхней социальной нише, состав которой определялся по семейно-родовым признакам, сосредотачивались и основные материальные блага. Внизу же царила все более усиливающееся нищета, бесправие и болезни, спровоцированные ухудшающимися экологическими и социальными условиями существования. (Шиخي, 1984 а).

В 1989 году правительство Узбекистана отменило несколько суровых приговоров, вынесенных в адрес бывших высокопоставленных персон из состава республиканского руководства. В обсуждаемых в данной главе, работах, Салих выражает свое беспокойство тем, что

антикоррупционная кампания зашла слишком далеко. Поэт говорит, что кампания по выявлению правонарушений в республике вылилась в масштабные массовые репрессии, направленные уже не только на непосредственных участников преступных акций, но на ни в чем неповинных, простых людей.

В своем публицистическом очерке «Трудное пробуждение» Салих размышляет о трех главных периодах в истории большевистского правления в Узбекистане – под руководством Сталина, Хрущева и Брежнева. Главное, что роднило эти режимы – полное пренебрежение интересов населения Узбекистана, которое, в их глазах, представлялось некоей безликой игрушкой, не имеющей права на самовыражение. Он пишет: «раньше мы уставали от похвал, вознося самих себя до небес. Теперь же мы начали уставать от жестокой критики самих себя, от обливаний самих себя грязью» (183).

Все более развивающийся процесс пробуждения социальной и гражданской активности, многолюдные митинги и демонстрации, характерные для конца этого периода, идеи, которые вели людей на площади, нашли свое воплощение в вопросах, поднятых Салихом в этом очерке. Если печатное слово было единственным средством самовыражения для Салиха, как для поэта, то демонстрации и митинги, вылившиеся на площади и улицы городов, стали наиболее доступным средством для людей, жаждущих утвердить в жизни общества свои убеждения. Наиболее многолюдные, продолжительные и «дорогие» (в смысле жертв, и репрессивных акций властей против их участников) демонстраций разразились летом 1989 года.[2]

В январе 1989 года около трехсот афганских студентов, обучавшихся в Ташкенте, подняли бунт, в результате которого несколько человек было госпитализировано и повреждено около 20 автомобилей. И хотя из просочившейся в СМИ информации остались неясными истинные причины того, что произошло в действительности, эти события сыграли роль детонатора в эскалации возрастающего социального напряжения и стали грозными предвестниками будущих драматических потрясений.

Чуть позже, в феврале этого же года, на улицы столицы вышли сотни людей, требующих отстранения «ведущего представителя исламской религии в СССР» – муфтия Бабахана.[3] Сам муфтий, представляя из себя безликую марионетку московских властей, отличался безнравственностью и полным невежеством в знании Корана. Манифестация, требующие отстранения Бабахана продолжались на протяжении всего года.

Однако еще более многолюдные и драматические демонстрации и митинги начались в июне 1989 года в связи с, так называемыми, «ферганскими событиями». Они перманентно продолжались до августа 1989 года. В информации, распространенной в то время в СМИ, сообщалось, что причиной широкомасштабного кровавого конфликта стало, якобы то, что один турок-месхетинец, не сойдясь по цене на клубнику с торгующей женщиной-узбечкой, озлобился на нее и перевернул

торговый лоток. За женщину вступились мужчины-узбеки, к турку-месхетинцу поспешили на помощь его земляки. Пролившаяся первая кровь повлекла за собой конфликт, в котором приняли участие тысячи людей, что привело к многочисленным жертвам с обеих сторон.

Только позже официальная пресса республики была вынуждена признать, что кровавый конфликт в Фергане имел более серьезные причины. Официальные СМИ были также вынуждены признать то, что в результате кровавого столкновения несколько человек со стороны турок-месхетинцев и узбеков были убиты и ранены. Сообщалось также, об установлении в Фергане комендантского часа. 16-го июня радиостанция «Свобода» сообщила в репортаже, что в результате столкновения двух национальных общин – узбеков и турок-месхетинцев погибло 87 человека, 974 человека получили ранения, 748 семей осталось без крова и более чем 50000 единиц оружия было конфисковано за первые две недели конфликта.[4]

Кровавые события переместились из Ферганы в соседний Коканд. Многие из бунтующих обратили свой гнев на две главные и ненавистные для них мишени – на общину месхетских турок и на хлопок, ставший для них символом изнурительного труда и унижения.

Опасаясь за свою жизнь и служебное положение, должностные лица спешно эвакуировали из региона конфликта 11000 турков-месхетинцев в лагерь для беженцев, а 13-го июня, 4500 из их числа были переправлены в Россию и в Азербайджан.

Истинными же причинами широкомасштабных кровавых конфликтов, тщательно скрывааемыми властями, стал стихийный протест против искаженного развития экономики, обнищание и несправие людей против произвола, чинимого властями. Население региона страдало от увеличившейся безработицы, насильственного принуждения работать на хлопковых плантациях, низкой оплаты за свой труд, резко ухудшившуюся экологическую обстановку, провоцирующую тотальное ухудшение здоровья населения, скудное питание, угрожающий рост детской смертности. На фоне этого все более остро ощущалась дискриминация национальной культуры и родного языка.

Все эти факторы явились благодатной питательной средой для произвола со стороны местных чиновников и репрессивных органов, погрязших в коррупции и взяточничестве. Причем, давление со стороны властей увеличивалось с каждым годом, все более сжимая пружину терпения народа. Годы московского правления развратили местное чиновничество, которые уже после первых жестких проверок уголовными органами делегированными из центра, были либо арестованы, либо изгнаны со своих мест. Необходимо отметить при этом, что подавляющее большинство из чиновников, подвергнутых уголовному преследованию, хотя и формально преступили закон, все же, в сложившихся условиях, не могли поступать иначе – сама порочная система порождала порочные преступные способы приспособления к ней.

Руководство Узбекистана, назначаемое Москвой, не могло и не

умело самостоятельно осмысливать характер и направление развития социальных процессов в республике. Вследствие этого, ожидать от руководства каких-либо инициатив, могущих радикально выправить тяжелое положение, в котором оказалось население республики, не приходилось. В сложившейся ситуации единственные надежды на будущее у большинства людей стали связываться с инициативами, с которыми выступали возникшие в те годы неформальные политические клубы и объединения. Один независимый наблюдатель писал в те годы, что надежда для Узбекистана лежала в «неформальных группах», таких как «Бирлик». [5]

Неформальное объединение «Бирлик» («Единство») возникло осенью 1988 года. С самого начала ядро группы составили интеллигенция и молодежь. Позже к ней примкнули люди всех социальных и образовательных уровней.

С самого начала своей деятельности активисты объединения обратились к властям с требованиями конституционной поддержки узбекского языка, снижения непомерных планов на сбор урожаев хлопка, охраны здоровья, подъема благосостояния населения, расширения прав и свобод личности и, самое главное, национально-государственного суверенитета Узбекистана.

В своем обращении к властям от 19 марта 1989 года, в числе основных требований, представителями «Бирлика» были выдвинуты требования придать узбекскому языку статус государственного языка. «Бирлик» также обратился к властям дать официальное разрешение на проведение митинга.

Несмотря на отказ властей дать это разрешение, 20 марта 1989 года «Бирлик» все же провел массовый несанкционированный митинг. Перед двенадцатитысячным собранием демонстрантов выступил председатель движения. А. Пулатов, который зачитал требования к правительству республики о придания узбекскому языку государственного статуса.

Во время следующего митинга, проведенного 9 апреля и собравшего 100000 человек, активисты «Бирлика» выступили с призывами о государственном статусе узбекского языка и о официальном разрешении на издание собственной газеты.

На митинге также затрагивались проблемы окружающей среды. Кто-то заявил: «Без Аральского моря не будет Центральной Азии».

На этом митинге Мухаммад Салих зачитал обращение к руководству республики, в котором говорилось, что властям следует положить конец репрессиям против своего народа, безосновательного обвинения тысяч, ни в чем неповинных людей в коррупции. В своем обращении Салих так же говорил: «Эти люди не боролись за свои права. Пока никто из них не сказал твердо: «либо учите наш язык, либо уезжайте из Узбекистана!» Это публичное заявление поэта показало возросшую политическую активность нации.

21 мая активисты «Бирлика» организовали третью массовую де-

монстрацию, в которой приняло участие около 100000 человек. Требования митинга к властям сосредоточились на проблемах, связанных со снижением норм на урожаи хлопка, диктуемых государственным заказом и официального признания своей организации. В ответ, власти, безосновательно обвиняя «Бирлик» в организации беспорядков, в частности, летом 1989 года в Фергане, ответили категорическим отказом признать ее в качестве легитимной политической структуры. В ответ, лидеры движения легко опровергли эти обвинения: «Мы пока еще не столь сильны и организованы, чтобы иметь возможность организовывать столь масштабные кровавые беспорядки», – парировали они ложные наветы.

В своих статьях, эссе, политических выступлениях Салих затрагивает наиболее злободневные темы социального, политического и культурологического характера, обнаруживая созвучность своих идей тем идеям, которые выводили людей на демонстрации и митинги. В этот период его творчество приобретает резкую политическую ориентацию и безошибочную нацеленность.

Данная глава посвящена анализу пяти работ Салиха, написанных в этот период. Это, прежде всего, «Речь, прочитанная на октябрьском (1986) пленуме Союза писателей Узбекистана», статьи: «Здоровье женщинам!», «Возвращение», «Трудное пробуждение» и «Письмо академику Эркину Юсупову».

Все эти выступления сосредоточены на таких четырех темах, как: переосмысление истории узбекского народа и реабилитация репрессированных за советский период узбекских писателей, проблемы экологии и здоровья населения, объявленная государством кампания по планированию семьи и статус узбекского языка в Узбекистане как языка государственного.

Вначале, позволю себе сказать несколько слов о жанре этих публикаций и реакции на них со стороны официальной цензуры в сравнении с предшествующим периодом. Все пять, анализируемых нами публикаций, – это публицистические статьи, а не художественные эссе, в которых авторская идея высказывалась иносказательно. Большинство этих статей были опубликованы в печати (хотя и не сразу же после написания) и, что знаменательно, без купюр. В отличие от предыдущего периода, автор говорит прямо, не скрывая за символами или метафорами свои идеи и истинные цели, побудившие его к публичному выступлению. И все же, несмотря на прямую публицистичность, статьи Салиха несут на себе характерные черты его индивидуальности – они сохраняют интонацию и непринужденную легкость, всегда отличающую неповторимую авторскую манеру поэта.

«Речь...» представляет собой доклад, с которым Салих выступил на пленуме Союза писателей Узбекистана в 1986 году. Впервые доклад был опубликован только в 1990 году.[6] Статья «Здоровье женщинам» была написана в 1988 году, опубликована в 1990 году в книге «Kozi tiygan dard». Статья «Возвращение» – в 1988 году – опубликована в официальных республиканских газетах «Советский Узбекистан»

и «Правда Востока» в январе 1989 года. Статья «Трудное пробуждение» – в начале 1989 г., а опубликована в июне того же года московским журналом «Дружба народов». «Открытое письмо» – 6 января 1989 года. Все эти статьи вошли в книгу «Kozi tiygan dard», вышедшей в свет в 1990 году.

Как говорилось выше, первая тема анализируемого периода, посвящена переосмыслению истории и призывала к политической реабилитации репрессированных в советский период узбекских литераторов. Под девизом гласности поэт требовал пересмотреть оценки творческого наследия узбекских писателей, ставших жертвами сталинских репрессий. Однако официальные власти все еще не решились проявить инициативу в пересмотре этого периода истории своего народа. В 1985 году, пришедший на смену умершего первого секретаря компартии Узбекистана Шарафа Рашидова, Инамжан Усманходжаев заявил, что идеализация прошлого, включая эпоху и фигуру Тимура, дезориентировала национальную гордость узбекского народа и оказала разрушительное воздействие на его «интернациональное воспитание».

С приходом периода гласности, власти никак не могли решить: как быть с литературным наследием узбекских писателей, попавшего под молот репрессивного аппарата сталинских идеологов и получившего ярлык «буржуазно-националистического», «идеологически чуждого» интернациональному духу советских людей.

Лишь в 1987 году, подчинившись растущему нажиму общественности, Усманходжаев вынужден был организовать комиссию по изучению литературного наследия Фитрата и Чолпана с целью определить возможность для их публикации.

В 1988 году комиссия пришла к заключению о необходимости опубликовать некоторые из работ Фитрата и Чолпана, однако с комментариями, в которых должно было быть отмечено, что литераторы сделали «националистические ошибки», поскольку не способны были «постичь всю глубину и историческую перспективу марксистско-ленинской идеологии».

Характеризируя политическую ситуацию в Узбекистане конца 80-х годов, можно отметить, что власти, хотя и вынуждены были под растущим давлением общественности, либерализовать свой режим, все же делали это с явной неохотой и с многочисленными оговорками. Возможно, происходило это потому, что высокопоставленные чиновники из окружения Усманходжаева, вместе с ним самим, небезосновательно опасались «идеологической распушенности», в прежде покорной себе, литературной среде.

Достоин внимания факт, что говоря о ситуации, связанной с политической реабилитацией литературного наследия Фитрата и Чолпана, один узбекский профессор отметил, что, по большому счету, событие это было не столь уж важным. Скорее, «текущие» выступления современных писателей более нуждались в том, чтобы их своевременно издавали.

В дополнении к акциям, связанным с реабилитацией литературного наследия Фитрата и Чолпана узбекские писатели стали выступать с требованиями пересмотреть национальную историю своего народа. В контексте этих требований обращает на себя позиция Салиха, настаивавшего на восстановление древней тюркской письменной графики – «рунического орхоно-енисейского шрифта». Этим требованием Салих давал понять, что история, культурное наследие узбекского народа берет свои истоки в древнетюркской истории, а не в арабской и персидской культурах. Салих призывал западных и восточных исследователей уделять большее внимание историческим достижениям тюркского народа, как к неотъемлемой части культуры международного сообщества.

Три, анализируемые нами, статьи Салиха данного периода посвящены проблемам реабилитации литературного наследия репрессированных в 30-е годы узбекских писателей и переосмыслению национальной истории Узбекистана. В них автор приводит малоизвестные широкой общественности Узбекистана факты из творческой биографии политически репрессированных и расстрелянных советскими органами в 30-е годы видных узбекских поэтов Усмана Насыра, Чолпана, Фитрата и Бехбуди. Говоря о творческом наследии репрессированных поэтов, Салих вписывает эти произведения в неразрывный процесс историко-культурного и политического развития узбекской нации, что входит в противоречие с позицией официальных властей. Салих отмечает, что произведения Фитрата не были переизданы вплоть до 1989 года, хотя власти, под давлением общественности, соглашались опубликовать их ранее.

Говоря о творчестве Усмана Насыра, автор статьи сравнивает его поэтический потенциал с поэзией Чолпана. Однако дар поэта не успел раскрыться, поскольку Усман Насыр был арестован и заключен в сталинские лагеря, когда ему исполнилось едва лишь 24 года. Салих пишет: «Причиной его (Усмана Насыра) ареста стали следующие слова поэта: «Так называемый лидер – это вполне обычный человек, как и товарищ Сталин. Например, товарищ Сталин очень напоминает нашего соседа – сапожника-армянина».

Неосторожная шутка молодого поэта стоила ему жизни и долгого забвения в культуре нации.

В своей статье «Возвращение» Салих развивает тему, посвященную анализу сталинских репрессий 20-30-х годов, направленную против национальной узбекской интеллигенции. Он пишет, что «на пиру, устроенном в честь Сталина была принесена в жертву вся советская интеллигенция – цвет национальных культур всей страны» (161). На этом «зловещем пиру были также уничтожены Чолпан, Кадирий и Фитрат, которые, по оценкам сталинских опричников, были отнесены к лагерю националистов. «Машина репрессий рассуждала так: «Истинный поэт это тот, кто любит свой язык, свою культуру, следовательно он – «националист» и «враг народа» и должен быть уничтожен».

«Он гордится историей своего народа. Следовательно, такой че-

ловец не может не быть националистом», – делает Салих противоположный вывод (161).

В одной из частей статьи «Трудное пробуждение», посвященной периоду сталинских репрессий 30-х годов, Салих пишет, что узбеки восхищались смелостью писателей 30-х годов, которые не боялись писать правду и презирали восхвалителей политического режима. В те жестокие годы находились писатели, которые мужественно отстаивали свое право писать правду. Автор, с нескрываемым уважением к ним, пишет: «В стране миллионов они были единственными» (181). Причина, из-за которой погибала художественная интеллигенция, состояла, по убеждению Салиха в том, что «слово сказанное против сталинского режима приравнивалось к выстрелу в самого Сталина. (Те, кто отваживался на подобное, кто писал против сталинского режима были незамедлительно казнены – гнили в тюрьмах)». (181). «Те люди, которым удалось спастись от массовых репрессий, – утверждает автор статьи, – выжили только потому, что молчали, не кричали о том, что происходило вокруг них, в их жизни». «Сталин был наилучшим из трех советских вождей (Сталин, Хрущев, Брежнев), потому что он, с помощью репрессий, подчинил нравственность и мораль политической идеологии. В перевернутом мире, который он построил, стукач назывался патриотом, а люди, которые отказывались быть стукачами, провозглашались врагами народа, предателями родины» (183). Подводя итоги своим высказываниям, Салих пишет: «Общество, чьи нравственные и этические стандарты аморфны, пагубно влияет на литературу и культуру» (183).

В «Речи, прочитанной на октябрьском пленуме», Салих говорит об огромном пласте квазинаучных исследований 1986 года, в которых давался искаженный образ репрессированных большевистской властью узбекских литераторов в 20-30-е годов. «Когда мы говорили об этом, – продолжает Салих, – нас обвинили в групповщине, а на самом деле, групповщину представляют как раз те, кто свои диссертации построили на отрицании наших лучших национальных поэтов». Салих даёт, более адекватное, на его взгляд, определение групповщины: «Групповщина – это группа волевых и целеустремленных шарлатанов в науке, пытающихся заставить вас подчиниться их воле, их личной выгоде» (с. 131).

В своей речи, прочитанной в Союзе писателей Узбекистана, Салих упоминает об «Открытом письме» молодых писателей к съезду СП Узбекистана, где осуждается Москва, которая держит под запретом творческое наследие узбекских литераторов 20-30-х годов. Объясняет пагубное влияние на развитие современного литературного процесса всякого рода запретов, как на ограничение законного права писателя на свободное творчество. Салих говорит: «Нравственный климат в литературе и культуре резко ухудшился, усилилось давление на узбекский язык на народное искусство. В газете «Советский Узбекистан» была недавно опубликована большая статья, посвященная идеологии. Однако, в ней не было сказано ни одного слово о художественности, а ведь любой вид литературной деятельности без художественности

– мертв. К тому же, как будто этого мало, появилась многоярусная, многоступенчатая литературная цензура. Начиная с младших литературных работников какой-нибудь районной газеты и завершая инструкторами ЦК компартии – все стали цензорами. Даже Шекспир, чьи произведения были переведены на узбекский язык, не смог избежать пристального внимания и ножниц цензоров» (с. 132).

Реакция на это Открытое письмо незамедлила сказаться – Москва переложила обвинение в клановости на тех, кто подписал это письмо. В результате некоторые из «подписантов» потеряли работу, других включили в список запрещенных авторов.

«Да, тогда клановость, против которой мы боролись, дала нам хороший урок», – продолжает Салих. Каждый из писателей, поставивший свою подпись под «Открытым письмом», а в последствии не отказавшись от него, знал заранее, что не получит за свое мужество никакой награды. Никто из них не подписывался за увеличение книжных публикаций или увеличения социального статуса писателя. В подписанном ими Письме было требование справедливости по отношению к поколению литераторов 20-30-х годов. «Подписанты» высказывались против насильственной дискриминации родного языка, на котором говорили их родители, они сами и их дети» (132).

Снова и снова, в своих статьях и многочисленных выступлениях Салих взывает к своему народу с призывами не только думать и поступать, полагаясь на собственный ум, но и стремиться возродить свою историю, язык и национальные традиции. Он с горечью говорит о том, что из-за боязни репрессий многие узбекские писатели в 20-30 и более поздние годы писали в соответствии с жесткими требованиями идеологического аппарата властей. «Их произведения, – утверждает Салих, – «политизированная литература», не имеющая прямого отношения к литературе истинной». В статье «Пробуждение» автор пишет, что «в основном мы принимаем политизированную литературу за проявление национального патриотизма. Весь советский период наша литература прошла через процесс насильственной политизации и идеологизации.

Это не принесло национальной культуре никакой выгоды. Наоборот, политизация разрушила правдивые национальные особенности, и сегодня мы испытываем лишь разочарование, гнетущую усталость от необходимости вводить в литературный контекст эти, разрушающие литературу изнутри, политические и идеологические проблемы» (184).

Завершая свою мысль, Салих говорит, что подобный вид политизированной литературы был создан и в 80-е годы. «Если бы в эти годы писатели сосредоточили свое внимание на источнике духовной культуры своего народа, на его традициях и неисчерпаемых возможностях родного языка, мутный поток взаимных обличений, захвативший литературу, не приобрел бы столь обвальный характер» (184).

Вторая тема анализируемого нами периода в творчестве М.Салиха,

посвящена проблемам экологии, социальной жизни и здравоохранения, возникшим в результате отрицательного влияния экспансии монокультуры хлопка на всю экономическую и социокультурную инфраструктуру, определяющую жизнь населения Узбекистана.

По требованию Москвы, Узбекистан из года в год наращивал производство хлопка. Для этого приходилось интенсивно использовать искусственные химические удобрения. Нарушение природного баланса землепользования незамедлительно сказалось на качестве хлопка, обезвоживанию значительных площадей, обмелению Аральского моря. Население, мобилизованное на выращивание и уборку хлопка, испытывало на себе всю тяжесть свалившейся на него непосильного бремени. Страдало образование, поскольку вместо того, чтобы учиться в школе, дети, с самого раннего возраста, работали на хлопковых полях. Мясо, молоко и белковая пища не входили в рацион питания дехкан, поскольку вся земля, включая подсобные участки, была занята под посевы хлопчатника.

Анализируя сложившуюся структуру экономики, Салих писал, что сведение всех отраслей сельхозпроизводства в одну-монокультуру хлопка, стало главной причиной экономических и финансовых злоупотреблений в Узбекистане. Эта деформация, уродующая экономику и жизнь простых людей будет сохраняться и усиливаться до тех пор, пока главной и единственной культурой сельскохозяйственного производства в республике будет хлопок.

Салих приводит пример, подтверждающий дискриминацию по отношению к узбекским дехканам со стороны московских властей. Он пишет, «что если до революции узбекский дехканин за мешок хлопка мог купить корову, то в 1989 году за этот же мешок хлопка – коробок спичек... Мы перестали поклоняться человеку и начали поклоняться хлопку... Ради увеличения урожая хлопка плодоносящие сады и пастбища были превращены в бесконечные хлопковые плантации. Кишлаки разрушены, люди страдают от болезней, возникающих из-за резко ухудшающихся условий окружающей среды. Вот что принесла узбекскому народу хлопковая монокультура».

Статья Салиха «Здоровье женщинам», написанная им в 1988 году, отчетливо и с предельной ясностью описывает ухудшившуюся экологическую ситуацию в республике и отрицательное влияние ее на здоровье населения, возникшую в результате экспансии хлопковой монокультуры. Автор перечисляет главные проблемы, а также прямо указывает на тех, кто должен нести ответственность за происходящее:

«Границы нашего Аральского моря в руинах. Наши мужчины отравлены, женщины рожают детей-уродов, юноши непригодны для службы в армии, дети умирают от плохого питания и болезней, а токсичные отходы предприятий, запрещены в других республиках из-за своей высокой экологической опасности, строятся в нашей республике одно за другим.

Причина всего этого лежит, прежде всего, в нравственной немощи

нашего руководства, узковедомственном эгоизме, в нашем собственном недостатке интеллектуального мужества и гражданской воли» (136). Хлесткие, обличительные слова Салих бросает в адрес коммунистических властей, обвиняя их в лицемерии, в бессердечном отношении к судьбам людей. Более того, утверждает автор, ни в ком из лидеров коммунистической власти нет ни единой капли чувства вины за содеянное. Ни центральное московское правительство, ни власти Узбекистана, обвиняемые Москвой в коррупции, не имеют мужества посмотреть в лицо жестокой действительности и злу, причиненные ими простому народу. Даже тогда, когда чиновника, вследствие его полной профессиональной непригодности и склонности к казнокрадству и мздоимству, увольняют, официальная версия прессы скрывает истинные причины его ухода с руководящего поста. Салих утверждает далее, что Москва, несмотря на резко ухудшившееся здоровье подавляющего числа населения республики, и на то, что отчаявшиеся женщины идут на крайнюю форму протеста против невыносимых условий – самосожжение, продолжает принуждать узбеков нести непосильное бремя планов по сдаче хлопка.

В резко ухудшившемся здоровье населения Узбекистана, в принесении «товарищу Плану» жертвоприношений женщинами-узбечками, Салих обвиняет руководство, которое заставляет население любой ценой выполнять непомерно высокие нормы по сдаче хлопка – ценой жизни и здоровья детей и женщин, ценой разрушения окружающей среды, ценой уничтожения традиционной культуры духовности и родного языка. Говоря об анемичной деятельности компартии в рекультивации Аральского моря, Салих утверждает, что писатели смогли бы справиться с этой проблемой намного лучше, чем партийные функционеры, поскольку последние решают не проблему, а ориентируются на мнение высокого руководства.

Третьей темой исследуемого нами периода в творчестве Мухаммада Салиха являются его публикации, посвященные проблемам планирования семьи. Эта тема выступает в тесной взаимосвязи с проблемами резко ухудшившегося здоровья населения Узбекистана.

В те годы, реагируя на изменение демографического баланса населения страны и пытаясь найти эффективные способы сокращения его мусульманской части, Москва пытается ввести в центральноазиатских республиках ограничения рождаемости. Ссылаясь на высокий процент детской смертности, власти предлагали населению резко сократить рождаемость детей. Подобной мерой, по утверждению функционеров от медицины, можно было бы существенно снизить детскую смертность. К этому добавлялись данные статистики, согласно которым сельское хозяйство производило недостаточное количество продуктов питания, чтобы обеспечить им все население. Следовательно, делал вывод официальные власти Москвы и вторили им коммунистические власти Узбекистана, необходимо было планировать семьи с меньшим количеством детей.

Между тем, о чем предпочитали умалчивать власти, одной из глав-

ных причин детской смертности, наряду с болезнями женщин-матерей, скудным питанием и общим ухудшением экологической обстановки в республике было то, что во время посевных работ, обработки полей и сбора урожая детей забирали из школ и мобилизовали на полевые работы. Благо, что труд детей не нуждался в оплате. Разве что только символической.

В майском (1987 года) репортаже с гордостью говорилось, что более 700000 детей работали на хлопковых полях Узбекистана. (Примечательно при этом, что в это время в Узбекистане был высокий уровень безработицы). Другая статья этого же года, также опубликованная в центральной газете ЦК КПСС – «Правде», утверждала, что детский труд в СССР запрещен законом. Однако это не относилось к Узбекистану, где огромное количество детей по-прежнему работало на хлопковых полях. Характерно, что позиция газеты в отношении детского труда содержит в себе осуждение. Однако газета не пытается искать какого-нибудь выхода из сложившейся порочной практики эксплуатации детского труда.

Также характерно, что в следующем репортаже этой же газеты (1988 г.) делался намек на то, что, хотя работа детей – это плохо, но оказывать помощь своим родителям во время полевых работ является неотъемлемой частью национальных традиций в Центральной Азии и значит это хорошо. Отсюда, ставился вопрос в статье, для власти наступили трудные времена в решении вопроса: как оценивать детскую трудовую занятость?

Салих выступил в это время одним из самых «шумных» противников планирования семьи. Он подверг аргументированной критике идею планирования семьи и опроверг все причины детской смертности, выдвигаемые Москвой. Анализируя проблему, Салих делает точный вывод: планирование (а на самом деле – снижение рождаемости) – это неуклюжая попытка Москвы изменить демографический баланс населения страны в пользу его русскоязычной части. Салих утверждает, что действительные причины детской смертности зависят от ухудшихся условий жизни населения, его обнищания, а не от количества детей в семье.[7]

Он подверг тщательному анализу так называемые объективные экономические причины возникшей проблемы и настаивал на праве узбекских семей самостоятельно принимать решение какой (по количественному составу) должна быть их семья.

Тема планирования семьи рассматривается Салихом в статьях «Здоровье женщинам» и «Трудное пробуждение». В статье «Пробуждение» он пишет: «Мы обвиняем тех, кто лжет обществу и говорит, что причина смерти детей лежит в высоком уровне рождаемости, скрывая тем самым тот факт, что истинной причиной трагедии являются ядовитые химикаты, гербициды, пестициды и дефолианты» (185).

Главный акцент автор делает на прямой взаимозависимости проблем планирования семьи с проблемами экономики. Салих считает,

что узбеки хотят иметь несколько детей из-за безнадежных экономических условий, в которые поставили их московские власти. «Чем больше у меня детей, тем больше хлопка они смогут вырастить и собрать тем больше денег они могут заработать», – рисует Салих замысловатую схему, которой руководствуется в своей жизни рядовой дехканин-узбек. Салих и его единомышленники-писатели настаивают на том, что политика властей должна служить улучшению экономических условий жизни народа, а не снижению уровня рождаемости. Хотя Салих резко отрицательно относится к принудительному детскому труду, считая, что тем самым дети отлучаются от образования, он отдает себе отчет, что вопрос этот необходимо решать в широком комплексе всех социально-экономических проблем, вставших перед нацией и, прежде всего, в преодолении синдрома «хлопковой монополии». В статье «Здоровье женщинам» он отмечает, что кампания по планированию семьи вышла на новый этап: если первоначально сторонники планирования семьи утверждали, что причиной детской смертности является высокая рождаемость, то теперь их цинизм модифицировался: сегодня они утверждают, что «высокий уровень рождаемости ведет к экономическим трудностям» (138).

Эта модификация говорит о том, что московские власти, исчерпав ресурсы в аргументации своего стремления провести сокращение рождаемости, ищут для себя новые теоретические обоснования.

Салих цитирует февральскую (1988 года) статью газеты «Правда», в которой указывалось, что с ростом семьи растет и количество рабочих рук, поскольку дети в Узбекистане также работают на колхозных полях. Уличая автора статьи в «Правде» в цинизме по отношению к проблемам принудительного детского труда, практикуемого в Узбекистане, Салих пишет, что этот автор заинтересован лишь в том, чтобы освободить ребенка от труда как от семейной обязанности с целью привлечения его к работе по частному контракту, условия которого являются для ребенка по своей сути еще более бесчеловечными и рабскими. Работа по контракту, по убеждению Салиха, еще более отлучит ребенка от семьи и от учебы в школе, предоставляя взамен ничтожную оплату. Вместо этого «нужно освободить детей от работы на колхозных полях. Место ребенка – за школьной партией» (139).

Большой раздел статьи Салиха «Пробуждение» посвящен анализу материального положения сельского населения, на которое и направлена политика планирования семьи. Он пишет, что большинство колхозников живет в бедности. Первопричина этой бедности происходит из-за несправедливо заниженной оплате труда хлопкороба. Обосновывая свои утверждения при помощи официальной статистики, он пишет: «Производство одного центнера пшеницы занимает (в среднем по СССР) 1,6 часа рабочего времени.

В то же время производство одного центнера хлопка требует 37 рабочих часов. За час работы на пшеничном поле колхозник получает 67,5 копеек, тогда как хлопкороб всего 16 копеек (186). Если бы Узбекистаном экономически грамотно руководили, то вопросы о росте на-

селения и о планировании рождаемости детей не стоял бы», – делает вывод Салих.

В статье «Здоровье женщинам» Салих сравнивает структуру экономики Узбекистана с Японией, площадь территории которой напoлнину меньше. «Япония имеет лишь 5% от объема минеральных ресурсов Узбекистана и, хотя в этой стране проживает 120 миллионов человек, уровень жизни населения страны намного превосходит аналогичный показатель в Узбекистане» (139).

Таким образом, главная причина материальных трудностей, испытываемых народом Узбекистана, состоит в том, что люди, выращивая хлопок по разнарядкам идущим из Москвы, получали за него ничтожно малую оплату. Если бы хлопковая монокультура не давила тяжким бременем на плечи народа и он мог бы по своей воле выбирать для выращивания на своей земле прибыльные сельскохозяйственные культуры, то экономическое и материальное положение узбеков значительно улучшилось бы. Улучшилась бы и окружающая среда и здоровье, снизился бы уровень детской смертности.

Салих рассматривает многодетные семьи в Узбекистане как наиважнейший, базовый признак традиционной национальной культуры. Он возмущен тем, что вопрос о том расти нации количественно или нет, решается не ею самой, а другими. В своих выступлениях он отмечает, что «Мы (узбеки) считаем идею снижения рождаемости античеловечной. И мы говорили о неправильности подобной политики на митингах и пленумах Союза писателей. Однако нашей точке зрения не было уделено должного внимания со стороны руководства республики». Далее, Салих утверждает, что узбеки должны быть свободны в выборе: сколько детей иметь. Когда в 80-е годы у людей спрашивали: сколько детей они хотят иметь, то получали в ответ: «чем больше, тем лучше» (139).

Последняя тема исследуемого нами периода в творчестве Мухаммада Салиха является продолжением ранее затрагиваемой им проблемы сохранения и развития узбекского языка.

В 80-е годы проблема придания узбекскому языку статуса государственного языка становится для Салиха важнейшей политической проблемой. Преодолевая растущее сопротивление со стороны узбекского народа, Москва по-прежнему проводила курс на исключительные привилегии русского языка. Знание русского языка являлось непременным условием для службы в армии, учебе в ВУЗах, для работы в административных, правительственных и партийных органах. Свободное владение русским языком давало возможность на получение профессионального образования и на занятие руководящих постов в руководящем аппарате.

В 1987 году московские власти решили, что в Узбекистане все же не столь хорошо знают русский язык. Было принято решение об отправке в республику двухтысячного корпуса русскоязычных специалистов.

В то время как московские власти планировали усиление доминирующей роли и расширение ареала распространения русского языка,

в Узбекистане проблема статуса родного языка достигла своего драматического апогея. С 1986 года власти были вынуждены разрешить школам проведение «вечеров родного языка», на которых изучались узбекский и другие языки, представителей диаспор, проживающих в республике. Это, по мнению властей, должно было показать, что все национальные языки были обеспечены равной легальной основой для их свободного развития.

Вначале 1988 года правительство Узбекистана подняло вопрос о том, надо ли преподавать в школах литературный узбекский язык. Это была реакция на то, что к тому времени некоторые ученые получили возможность читать древние узбекские тексты, написанные арабской графикой, что активизировало их интерес к традиционным ценностям национального языка (как ключ к пониманию традиционного наследия нации и, одновременно, как консолидирующему нацию фактору) усилилась в среде национальной интеллектуальной элиты к 1989 году – именно к тому времени, когда власти обсуждали законодательный статус узбекского языка. Причем, по мнению властей, статус русского языка, как языка межнационального общения, должен быть значительно выше, нежели статус узбекского языка. Необходимо заметить при этом, что рядовые узбеки, в отличие от властей, смотрели много шире: их борьба не ограничивалась достижения статуса узбекского языка как языка государственного, поскольку, за чисто социолингвистическими проблемами стояло неприятие проникновения русско-советских традиций в узбекскую национальную культуру. К концу 1988 года впервые были подняты голоса, призывающие пересмотреть существующую топонимику с точки зрения возвращения данным местностям традиционных исторических названий. В то время кто-то едко заметил: «Сколько гостиниц Москвы и Ленинграда названы в честь Узбекистана и его героев? Неужто столько, сколько в Узбекистане?...»

Изъятие русских терминов, внедренных в язык делопроизводства, а от него - в быт в то время когда вытеснялись эквиваленты на родном узбекском языке, стало акцией, благодаря которой актуализировался родной язык, его потенциальные возможности для полноценного функционирования во всех сферах современной жизни узбекского общества.

Тема «Письма к академику Эркину Юсупову», посвящена требованию Салиха придать узбекскому языку статус государственного языка. Эта тема легла в основу двух статей Салиха: «Трудное пробуждение» и «Письмо...», написанных в 1989 году.

В статье «Трудное пробуждение» Салих высказывает надежду на то, что узбекский язык станет государственным языком. Он пишет, что хотя сейчас, в сравнении с недавним прошлым, можно безбоязненно говорить и писать на родном языке, люди, не избавившиеся от десятилетий страха, все еще осторожны и боятся довериться переменам. «Несколько лет назад говорить на узбекском языке было непросто. Сегодня же мы говорим на нем открыто. Это – благо демократии. Оказывается, что преодолеть закоренелые привычки очень непросто.

Даже сегодня, перед тем, как заговорить на родном языке, мы, по-прежнему, оглядываемся по сторонам» (185). Однако, «несмотря на укorenившийся в сознании людей страх, 98% писем, адресованных в государственный комитет по языку (возглавляемый академиком Э. Юсуповым), содержат требования придать узбекскому языку статус государственного языка», – подчеркивает Салих.

Углубляя тему языковой ситуации в Узбекистане, Салих говорит, что проблема языка является одной из приоритетнейших проблем возрождения национальной культуры. Только придав узбекскому языку статус государственного языка, можно вернуть людям ощущение того, что они живут на собственной родине. Салих обращается к Э. Юсупову и к молодежи Узбекистана с призывом решительно воспользоваться возникшей ситуацией и отнестись к родному языку, как к будущему своего народа.

«Наш язык должен быть государственным языком. Это – исполнение чаяний всего народа, а не горстки интеллигентов... Возможно, сегодня мы стоим на пороге исторического события. Власть, карьерные интересы чиновников пройдут и канут в историю, но наш народ, наш язык, наша культура и наша родина останутся. Мы должны взять на себя мужество восстановить свой родной язык в его законных правах. Хотя бы ради того, чтобы наши дети не проклинали нас» (165).

Как и в статье «Пробуждение», Салих обращается к бесстрастным цифрам статистических сводок. С цифрами в руках, он показывает, что 72% всего населения Узбекистана составляют узбеки и только 13% – русскоязычные. Следовательно, делает вывод Салих, «Мы не вправе жертвовать нашим языком ради тех 13%, которые не знают узбекского языка» (165).

В этой же статье Салих осуждает идею вульгарного интернационализма, который, на его взгляд, является неуклюжим оправданием для повсеместного использования русского языка в качестве языка межнационального общения. Касаясь цели комиссии по языку, Салих, с вызывающей дерзостью обращается к ее председателю Э. Юсупову: «Если комиссия, которую вы возглавляете, не может, или не хочет выполнить свой долг по защите и развитию узбекского языка, то общество само готово защитить свой язык», – пишет он (165).

Все пять, анализируемых нами, статьей Салиха этого периода (1986-1989 гг.) словно демонстрируют более откровенный, прямой стиль, нежели статьи предыдущего периода. Иллюстрируя пришедшую с перестройкой гласность. Салих сам отмечает большую открытость изменившегося за последние годы общества. В «Речи, прочитанной на октябрьском пленуме 1986 года» он рассказывает, что 7-8 лет назад он написал статью, посвященную поэзии Чолпана. Узнав об этом, друзья предупредили: «Вы с ума сошли, они же вас убьют!» (130). В те годы писать о Чолпане означало нарушение строгого запрета властей. Показательно, что в «Возвращении...» и в «Пробуждении...», написанных в 1988-89 гг. и опубликованных в узбекской прессе в 1989 году, автор более открыт и категоричен в своих суждениях и

выводах, чем в прежних своих выступлениях, что знаменует не только гражданскую смелость самого автора, но и возросшую открытость узбекского общества, свидетельствующую о позитивных демократических изменениях, начавшихся в Советском Союзе.

Хотя Салих, по-прежнему использует в своих выступлениях образный, метафорический язык, откровенность и резкость его высказываний начинают преобладать над иносказанием. В статье «Здоровье женщинам» он пишет: «прохладные тени они любят более, нежели палящий зной саратона (самое жаркое время года в Узбекистане – с 25 июня по начало августа) и уют своих домов более, нежели дым, выходящий из труб фабрик и заводов» (32). Салих ставит острейшие, безотлагательные вопросы, требующие пробуждения социальной активности народа. Проблема придания узбекскому языку статуса государственного языка, реакция на навязывание московскими властями планирование семьи, вопросы здравоохранения, экологии, реабилитация творчества репрессированных в 20-30-е годы узбекских писателей и переосмысление прошлого. Все это было наиболее актуальными проблемами, решение которых влияло на характер процесса национально-государственного возрождения узбекской нации.

Массовые демонстрации и митинги, прокатившиеся в Узбекистане в конце 80-х годов, продемонстрировали расширившееся пространство гражданских свобод и возросший уровень национального самосознания народа. В равной степени это относится и к политическому творчеству Мухаммада Салиха, выступления которого обнаруживают эволюцию его мировоззрения, большую свободу суждений и заметно расширившийся круг социальных проблем, на которые он остро и энергично реагировал как поэт, как гражданин и как, набирающий профессиональную зрелость, политик.

В конце этого периода становится все более отчетливым то, что узбекские власти, хотя и нерешительно, с оглядкой на московские власти, все же идут на уступки политическим требованиям, выдвигаемым активистами и сторонниками демократического движения «Бирлик» и партии «Эрк».

Однако, уже через короткое время, властям Узбекистана, мобилизовавшим репрессивные структуры, удалось подавить инициативу широких народных масс, взять под жесткий контроль средства массовой информации и организовать беспощадное преследование активистов «Бирлика» и «Эрка».

Инициатором свертывания демократических процессов в республике стал Ислам Каримов, сменивший в июне 1989 года на посту первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Рафика Нишанова.

[1] К примеру, в ноябре 1986 г. RL (Париж) сообщил, что 13000 должностных лиц, работающих в системе хозяйства и экономики СССР были освобождены от занимаемых должностей в течении одного года за служебные злоупотребления, другие 100000 были обвинены

нены в коррупции и подделке отчетов о выполнении производственных планов. Не вызывает сомнений, что процесс этот захватил и Узбекистан. В июне 1987 года МВД СССР сообщил об одном высокопоставленном чиновнике Узбекистана, который систематически принимал и давал взятки. В сообщении говорилось, что этот чиновник приговорён судебными органами к исключительной мере наказания - расстрел. Многочисленные сводки радиостанций «Свобода» в этот период также посвятили свои передачи освещению широкомасштабной антикоррупционной кампании предпринятой по инициативе Москвы, в период с 1984 по 1989 годы. Назовём некоторые из них : RL 254 / 84 , 457 / 84, 403 / 85 , 81 / 86, 90 / 86, 297 / 86, 249 / 87, 28 / 88, 492 / 88, 65 / 89, 324 / 80.

[2] Следует отметить, что массовые демонстрации протестов начались еще с 1987 года – с борьбы депортированных в Узбекистан крымских татар за право возвращения на свою историческую родину– в Крым. Эти демонстрации продолжились и в 1988 году.

[3] Бабахан хотя и был отстранен от должности муфтия, однако позже– в 1993 году Каримов назначил его послом Узбекистана в Египте. (Прим. ред.).

[4] В число конфискованного оружия были включены палки, плети и другие предметы.

[5] Полное название движения: Бирликское Движение за Сохранение Узбекских Природных, Материальных и Духовных Ресурсов.

[6] Статья «Дайте здоровья женщинам» была опубликована в том же 1988 году в газете «Правда Востока» и позднее в книге «Kozl tiugan dard» (1990). (Прим. ред.).

[7] В репортаже радиостанции «Свобода» Аннет Вор подтвердила, что эксперты– сторонники планирования семьи, все еще настаивали на том, что высокий уровень детской смертности зависел от того, сколько детей рожали женщины за 3-4-летний отрезок времени. Она также детально описывает «риски», приносимые здоровью людей, из-за влияния экологических факторов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (1989–1992 гг.)

Третий из анализируемых нами периодов новейшей истории Узбекистана характерен усиленным контролем общественных процессов в республике со стороны Ислама Каримова. В этот период резко усилилось противоречие между завоеванными народом демократическими свободами и ожесточившимися репрессиями, инициатором которых выступил Каримов.

Примечательно при этом, что если в то время, когда Узбекистан входил в состав СССР и Каримов, как первый секретарь компартии республики, вынужден был оглядываясь на Москву, соблюдать некоторую видимость демократических методов правления, то, после крушения Советского Союза (в августе 1991 г) и начала гражданской войны в соседнем Таджикистане он уже, совершенно откровенно и не оглядываясь ни на кого, подавляет всякое проявление свободомыслия.

Летом 1989 года, руководство республики, борясь с недовольством народа своим ухудшающимся материальным положением, при помощи репрессивного аппарата и введя комендантский час, сумело восстановить порядок в Ферганской долине.

В конце августа 1989 года Ислам Каримов выступил с публичным заявлением перед общественностью Узбекистана. В своем выступлении он признал, что экономика республики находится в кризисе, растет безработица и обнищание народных масс, система здравоохранения не справляется с болезнями, усугубляются экологические проблемы, в результате чего ухудшились санитарные условия. Люди не получают в достаточной мере чистой питьевой воды и здорового, полноценного питания. Выход из сложившейся ситуации, по мнению Каримова, состоит... в... ужесточении дисциплины и порядка.

Хотя, после 1989 года, в Узбекистане не произошло сколько-нибудь заметных, неконтролируемых властями, волнений и в последующие два года были проведены лишь мирные демонстрации, Каримов строжайше запретил какое-либо массовое проявление недовольства, ссылаясь при этом на опасность в социальной дестабилизации. Истинной же причиной запретов на проявления массовых протестов состояла в боязни Каримова потерять инициативу и контроль над обществом.

В середине октября 1989 года более 20000 демонстрантов прошли по улицам Ташкента с требованиями придать узбекскому языку статус государственного языка. Из страха перед растущей активностью общественности и неблагоприятных для себя последствий, на следующий же день (21-го октября) Каримов издает президентский

указ о запрете на массовые демонстрации, ссылаясь при этом на необходимость «стабилизации социально-политического положения» в республике. Однако, в феврале 1990 года, по всему Узбекистану прокатилась волна массовых манифестаций. Их участники протестовали против экономического и социального кризиса, в который последовательно скатывалась республика.

10 февраля 1990 года И. Каримов издает новый указ о запрете массовых демонстраций, за нарушения которого на их участников налагались денежные штрафы и ожесточились меры административного и уголовно-наказуемого воздействия.

Несмотря на принятые властями меры, открытое сопротивление продолжалось. В апреле 1990 года тысячи людей вышли на демонстрацию в поддержку невинно пострадавших во время широкомащтабной антикоррупционной кампании. В мае месяце этого же года другая, более многочисленная демонстрация, в которой участвовало более 20000 человек, вышла на улицы Ташкента с требованиями устранения муфтия и отставки партийного руководства. В декабре 1990 года московские СМИ сообщали о демонстрации в Намангане, в которой участвовало более 3000 человек.

Тот факт, что не местная республиканская служба новостей, а московские СМИ, начиная с декабря 1990 года сообщали о подобных событиях, указывает на то, что Исламу Каримову удалось взять полный контроль над СМИ Узбекистана.

К концу 1991 года, вследствие активизации деятельности силовых ведомств республики, количество массовых выступлений общественности резко уменьшилось. В сентябре (1991 г.) московское телевидение сообщило о демонстрации в Коканде, в которой приняло участие несколько тысяч человек. Требование манифестантов исчерпывалось главным лозунгом: «Долой коммунизм!». («Мусульманские антикаристовские демонстрация» РТВ).

Это было последнее официальное сообщение о массовых акциях протеста. В последующем власти сумели жестоко подавить проявление общественного недовольства.

После того, как Узбекистан провозгласил свою государственную независимость (1.09.1991 г.) членам политических группировок и партий, ни разу не удалось легитимно встретиться – накануне провозглашения независимости Ислам Каримов отдал приказ арестовать оппозиционных политических лидеров и произвести обыски в их квартирах. Ранним утром милиция блокировала главную площадь Ташкента – площадь Ленина, на которой было намечено провести массовый митинг. В процессе «зачистки» была арестована группа британского телевидения. Комментируя случившееся в этот день, московское радио передало, что данное событие подтверждает то, что руководство Узбекистана отказалось вести диалог со своим народом. В отчете упоминалось также и откровенное лицемерие И.Каримова. (Усманов, 1991).

Обосновывая репрессивные акции, направленные против поли-

тической активности народных масс, Каримов продолжал повторять свой тезис о том, что только социальная стабильность и жесткий порядок являются главным ключом всех накопившихся на республику проблем.

Примечательна «эволюция» отношения Ислама Каримова к приоритетам, на которые ориентировалась его власть. Если в декабре 1989 года он заявлял, что решение всех социальных проблем лежало в укреплении всех здоровых сил узбекского общества и в усилении общественного порядка и дисциплины, являющимися гражданским долгом каждого, то, после мартовских событий 1990 года Каримов сделал заявление, в котором прозвучало, что «только дисциплина и общественный порядок могут стать в данной ситуации и устранить кризис».

Фразеологический секвестр приобрел тем самым законченный и угрожающий характер.

В марте 1990 года, Каримов, занимавший в то время пост Первого секретаря компартии Узбекистана, стал первым Президентом республики. Сразу же после своего избрания Каримов обратился к народу. В своей речи он обещал людям гражданские свободы, оговорив при этом, что демократия не означает анархию, а гласность – вседозволенность. Исходя из этого понимания демократии и гласности он заверил, что будет строго контролировать дисциплину. Он призвал также силовые структуры всячески препятствовать «любым антисоциальным манифестациям, угрожающим политическому фундаменту государства, жизни и достоинства граждан» (И. Каримов. 1990 г).

Другая часть кампаний Каримова по стабилизации, а точнее, по укреплению своего режима, состояла в том, что он разрешил действовать политическим партиям, однако, не в роли оппозиции, но в границах, определяемых властями, а еще точнее – им самим. Исходя из приоритетов, каковыми являлись провозглашенная им борьба за дисциплину, Каримов отложил экономические реформы на неопределенное время. В мае 1990 года во время «круглого стола», проведенного компартией Узбекистана, Каримов заявил, что он видит силу и мощь республики исключительно в укреплении компартии республики. Это заявление как бы подразумевало, что Каримов не считает, что общественное движение «Бирлик» и политическая партия «Эрк» представляют в его глазах альтернативную политическую силу. («Через диалог» 1990).

В ноябре 1990 года «Литературная газета» (Москва) сообщила, что сегодняшний Узбекистан – это, в основном, стабильная республика. Она утверждала, что «постоянство, прочность и стабильность» утвердились там, где национализм был единственным источником общественного движения». Одновременно газета отметила и то, что достижению стабильности способствовало ужесточение мер, принятых властями против политической оппозиции. Именно этой ценой приходилось расплачиваться узбекскому социуму за политическую стабильность и гражданский порядок в Узбекистане. Газета процитировала и ответ самого Каримова на брошенное замечание: «Я

не считаю эту цену слишком непомерной», – жестко отреагировал он на робко сделанное замечание корреспондента об отсутствии в Узбекистане гражданских свобод. (Кружилин. 1990).

В апреле 1991 года, Каримов заявил, что установление «диктатуры права» необходимо. «Порядок в узбекском обществе должен прийти до того, как произойдут экономические реформы, предварить их, поскольку резкий переход к рыночной экономике может внести в общество разлад. Следовательно, такие признаки рыночных отношений как приватизация и освобождение цен, необходимо до поры отложить». (Ефимов. 1992).

Начавшаяся весной 1992 года гражданская война в Таджикистане стала для Каримова дополнительным поводом в деле укрепления собственного авторитарного режима в Узбекистане.

В это время в соседнем Таджикистане несколько оппозиционных групп создали сложный конгломерат, в состав которого вошли исламисты, националисты и демократы и выступили вместе, чтобы бороться против властной верхушки, приведенной к власти российской армией и управляемой из Москвы. На длительное время ситуация в Таджикистане воцарил гражданский и политический кризис. Цели оппозиции состояли в установлении в республике демократического порядка, предоставления обществу больших гражданских свобод и легитимизации политических партий. К этому добавлялись требования исламистов в восстановлении принципов и свобод вероисповедования. Промосковские власти ответили на эти требования тотальными репрессиями, что спровоцировало открытое вооруженное противостояние сторон. Оппозиция начала скупать вооружение и вводить его из Афганистана.

Гражданская война в Таджикистане дала Каримову очень удобный повод для ужесточения своего режима в Узбекистане. В ход пошел его аргумент о том, что если допустить в Узбекистане оппозиционные режиму организации как «Бирлик» и «Эрк», то кровавые события гражданской войны в Таджикистане перекинутся в Узбекистан.

В это время другая, не менее важная проблема, влияющая на политическую архитектуру узбекского общества, встала перед компартией верховской Узбекистана. Реагируя на повсеместно произошедший кризис идеологии компартии, Каримов (хотя и чисто внешне), продолжал проводить в республике прокоммунистическую позицию.

В декабре 1989 года он заявлял о своей «непоколебимой верности марксизму-ленинизму» («Правда Востока» 7.12.1989), заверяя, что коммунистическая партия была и остается «политическим авангардом общества» и что трагические события летних событий в Фергане явились результатом неудовлетворительного следования курсу ленинского интернационального воспитания. В марте 1990 года Каримовым были инициированы поправки к Конституции Узбекистана, в результате которых значительно усилилась роль компартии.

Обосновывая это, Каримов заявлял, что «новое политическое

мышление не означает отказа от социалистических идей. В июне 1990 года Каримов вновь заявил о важности коммунистических идеалов для жизни узбекского общества. В опубликованной в то время, резолюции пленума компартии утверждалось, что «самой важной задачей пленума была задача усилить политическое и идеологическое влияние среди народных масс и придать народному сознанию форму, соответствующую творческой интерпретации и развития марксистско-ленинского учения» («Правда Востока» 16.08.1990). В январе 1991 года Каримов требовал дальнейшего укрепления единства партии и народа и подчеркивал важность внутрипартийного единства.

Накануне известного «августовского (1991 года) путча» в Москве, Каримов все еще подчеркивал свою преданность коммунистической партии и ее идеалам.

Сразу же после поражения путчистов, Каримов распускает компартию республики и объявляет о создании на ее базе Народной демократической партии Узбекистана. Примечательно, что на момент ее учреждения «Народная демократическая партия «Узбекистана» насчитывала в своих рядах 250000 членов, в недавнем своем прошлом членов КПСС, а также 55000 вошедших в ее состав новых членов из, так называемого, «блока беспартийных». Цели, задачи и методы новой партии ничем не отличались от программных документов коммунистической партии. Сменились только название. ТАСС отметил, что новая партия по- существу остается той же, чем была прежде – коммунистическая.

И все же, несмотря на все более укрепляющийся режим своего авторитарного правления, Каримов удовлетворил некоторые требования оппозиции. К ним относились отмена, объявленной в прежние годы кампании по планированию семьи, а также придание узбекскому языку статуса государственного языка. Другие требования оппозиции состояли в пересмотре репрессивной по своему содержанию «антикоррупционной кампании, легитимации права на свободу вероисповедования и провозглашения государственного суверенитета».

Во время своей предвыборной президентской кампании, Каримов обещал, что акций по сокращению рождаемости применяться больше не будут и что его приоритетами станет программа по улучшению здоровья женщин и детей. Исполняя требования общественности по пересмотру уголовных дел начатых во время антикоррупционной кампании, Каримов издал указ о помиловании 240 человек, лишенных свободы. В марте 1990 года он расширил круг бесосновательно осужденных во время антикоррупционной кампании лиц, объявив об их помиловании.

В этом же месяце Каримов официально разъяснил, что ордер на арест кого бы-то ни было, подозреваемого во взяточничестве, либо уличенного в фальсификации отчетов по выполнению госзаказов, может быть выдан только после личного допроса обвиняемого. Покойный Первый секретарь компартии Шараф Рашидов был также по- смертно реабилитирован, а к апрелю 1991 года, около 1600 человек,

вовлеченные в «хлопковый скандал», были реабилитированы и восстановлены в гражданских правах (Алимов. 1991).

21-го июня 1990 года, основываясь на проекте, предоставленном ему на рассмотрение партией «Эрк», Каримов провозгласил Узбекистан суверенным государством.[1] (Фирман. 1991).

Он также объявил о праве на свободу вероисповедания, а в день своей инаугурации дал клятву в верности Узбекистану на Коране. Отныне гражданам гарантировалось конституционное право на свободное вероисповедание, государственная защита прав и интересов верующих. Религиозные организации должны были пройти регистрацию в органах юстиции, чтобы иметь законное право на создание образовательных учреждений, публикацию и распространение религиозной литературы. Согласно этим установлениям, верующим разрешалось беспрепятственно выезжать за рубеж для культовых поклонений и получение религиозного образования. В это же время он устраняет с поста верховного муфтия мусульман Мухаммада Садыка, приобретшего за последние годы высокий авторитет среди верующих.

Самой главной проблемой для узбеков, в решении которой приняло участие правительство Каримова, было придание узбекскому языку статуса государственного языка. Все прошлые годы оппозиция боролась за дистанцирование от Москвы и за приоритетные позиции узбекского языка на своей этнической родине.

Сразу же после объявления государственного суверенитета власти придали узбекскому языку статус государственного языка. Принятый закон о языке гарантировал функционирование узбекского языка на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности. Это относилось и к таким, прежде исключительно русскоязычным сферам жизнедеятельности как государственная служба, наука, политология, практическая политика и информация. При этом гарантировалось право других этнических групп, проживающих в Узбекистане, на сохранении и развитие их языков.

С июня 1989 по июнь 1992 гг. не только произведения Мухаммада Салиха, но и события его личной жизни были тесно связаны с практической политикой. Он был членом руководства движения «Бирлик», сформировал и возглавил политическую партию «Эрк» («Воля») и был избран депутатом Верховного Совета Узбекистана и даже выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах.

Работая в Парламенте, он принимал самое активное участие в структурных изменениях, проводимых в правительственных и административных органах. Таким образом, он пытался использовать свое положение и умение влиять на мнения коллег-депутатов более изнутри существующей системы, нежели извне. В этот период своей парламентской деятельности он не занимается литературным творчеством.

Когда в 1990 году Салиха спросили, кем он считает себя – поэтом или политиком, он ответил, что пришел в политику не добровольно, что сама жизнь, ее неразрешимые проблемы заставила его прийти в

политику. Когда в жизни происходят реальные политические события, то невозможно оставаться в стороне, «обстоятельства отрывают вас от вашей спокойной жизни и бросает в поток этих страстей».

В этот период Салих пишет, в основном, отклики на политические изменения, происходящие в общественной жизни.

В своей работе мы хотим подробно рассмотреть статью Салиха этого периода «Мы застали эти благоприятные дни», написанной сразу же после обретением Узбекистаном государственной независимости (сентябрь 1991 г.) и несколько его интервью, опубликованных в республиканских газетах.

Политическая деятельность Салиха с конца 1989 – начала 1990 гг. характеризуется усилением его активности как действующего политика. Как член Президиума движения «Бирлик» он видел свою задачу в конструктивных изменениях формирующейся политической системы. Именно поэтому он возглавил фракцию Движения, которая не разделяла радикальные настроения другой части Движения, считая, что ужесточая свои требования и войдя в конфликт с властями, оппозиция больше потеряет, чем достигнет.

В ноябре 1989 года обе стороны предприняли попытку прийти к объединяющему их согласию, но не сумели его достигнуть. В феврале Салих выходит из «Бирлика» и создает новую партию «Эрк».

11 марта 1990 года, после того, как возглавляемая Салихом партия продемонстрировала свою готовность к сотрудничеству с компартией (а позднее, с Народной демократической партией Узбекистана), Каримов дал согласие на официальное признание партии[2] (Фирман. 1991).

С этого времени партия «Эрк» активно вошла в политическое пространство Узбекистана. Программными требованиями партии того периода стали требования экономической и политической автономии Узбекистана, достижения политических и гражданских свобод и гармонизации межэтнических отношений внутри республики. Салих заявлял, что его цель состоит в превращении Узбекистана в государство, граждане которого получают гарантии защиты соблюдения своих конституционных прав и интересов.

В том же месяце, когда была создана партия «Эрк», Салих был избран депутатом Верховного Совета Узбекистана, где сразу же создал и возглавил фракцию парламентской оппозиции, в которую вошло еще 9 депутатов. В своих выступлениях Салих отмечал, что в Узбекистане пока еще нет настоящего парламента, а тот, который имеется сегодня, состоит из малокомпетентных людей, слабо разбирающихся в политике, экономике и юриспруденции.

Деятельность Салиха в парламенте продолжалась до конца 1991 года. После того, как Узбекистан получил государственную независимость, Салих, поддерживаемый «Эрком», принял участие в президентских выборах, выступив соперником Каримова в борьбе за президентский пост.

В своих програмных выступлениях Салих заявил, что будет бороться за полную независимость Узбекистана, ускорит вхождение республики в систему рыночной экономики и свободное предпринимательство. В области культуры Салих, по-прежнему, считал главным приоритетом возрождение языка как главного основания для последующего возрождения всей совокупной материальной и духовной культуры узбекского народа.

Несмотря на свою репрессивную политику, Каримов победил на выборах. Официальные данные выборов отразились в следующей сводке: 86%— за Каримова и 12,7%— за Салиха. Однако узбекская оппозиция заявила, что выборы прошли с грубейшими нарушениями процедуры подсчета окончательных результатов. (Интерфакс, 31 декабря 1991 г.).

Тем не менее, пренебрегая очевидными для многих фактами грубейших нарушений процедуры выборов, некоторые западные наблюдатели интерпретировали их результаты как знак того, что избиратели Узбекистана не пожелали принять более радикальную программу, предлагаемую Салихом и предпочли более консервативную программу Каримова. Эту осторожную оценку результатов выборов Каримов воспринял как одобрение своей авторитарной власти.

Однако не все независимые эксперты разделяли подобное мнение. Один западный эксперт отмечал, что Каримов преуспел, благодаря своему жесткому контролю над преданной ему Демократической партией, силовыми ведомствами и номенклатурой. Нелишним будет отметить и то обстоятельство, что к моменту выборов партия «Эрк» насчитывала в своем составе всего несколько тысяч членов, в то время, как «Бирлик», имея десятки тысяч активных сторонников, не мог зарегистрировать своего кандидата.

Каримов не преминул воспользоваться отсутствием единства в рядах оппозиции.

Будучи одним из руководителей «Бирлика», а затем лидером партии «Эрк», депутатом и кандидатом в президенты, Салих, большую часть своей энергии посвятил политической деятельности, оставляя для собственного литературного творчества ничтожно малое время. Для понимания его мировоззренческих и политических взглядов необходимо проанализировать два его интервью, данные им узбекской прессе.

В своем интервью для апрельского номера газеты «Комсомолец Узбекистана» (1990 г.), Салих говорит о политических различиях между «Эрком» и «Бирликом». Чувствуя, что «Бирлик» все более и более втягивается в уличные демонстрации, подменяя этим необходимость в разработке продуманной концепции социального и экономического развития Узбекистана, он понял, что подобные методы политической борьбы уже не могут приносить нужный эффект. Разумеется, подчеркивает Салих, «Эрк» не отвергает демонстрации и митинги, как средство консолидации людей и метода давления на власть.

Однако приоритеты партии строятся на разработке программ по конструктивному изменению существующей системы. Что же касается работы в Верховном Совете Узбекистана парламентской фракции, в которую входят члены «Эрка», то в ее задачи входит внесение позитивных изменений в принимаемые законы, а также вопросы формирования концепции внешнеполитических отношений с другими странами. Завершая интервью, Салих отмечает, что «Эрк» строит свои отношения со всеми другими политическими партиями (включая «Бирлик» и компартию) на паритетных принципах.

В другом интервью, опубликованном в «Отчете о СССР» (сентябрь, 1990 г.), рассказывая о политических целях «Эрка», Салих определяет главной задачей борьбы партии— достижение Узбекистаном полной независимости от Москвы. Если парламент, по его мнению, не реализует в своей деятельности идею независимости, то его необходимо распустить и требовать новых выборов. Однако столь высокая цель как обретение независимости достигается аккумуляцией всей энергии, заложенной в обществе, а это означает, что идея демократических преобразований, и равных прав всех граждан может и должна стать движущей силой достижения государственной независимости. Главные свои надежды в достижении независимости и национально-государственного возрождения Салих связывал с молодежью.

На протяжении данного периода все выступления Салиха связаны исключительно с политическими процессами, протекающими в республике. Одной из наиболее важных работ этого времени является статья «Мы застали эти благоприятные дни», опубликованной в газете «Узбекистан адабияти ва санати». Эта статья состоит из трех частей. Первая часть (опубликованная 25 августа 1991 года) посвящена событиям, связанным с августовским путчем, вторая (31 августа)— открытое обращение автора в Верховный Совет республики, и третья часть (1 сентября) посвящена Дню независимости Узбекистана.

Одной из тем этого цикла стало признание Салихом того обстоятельства, что до полной независимости Узбекистана от Москвы еще очень далеко. «Государство может быть полностью независимым только тогда, когда независимы его политика и экономика,—утверждает он. Именно поэтому «сегодняшняя наша независимость остается на бумаге». Для защиты собственного суверенитета и территориальной целостности суверенные государства (все бывшие союзные республики СССР) должны иметь свои вооруженные силы. Без этого условия провозглашенный государственный суверенитет бесполезен и фальшив.

Другой темой данного цикла статьей Салиха является проблема демократизации Узбекистана. Автор отдает себе отчет в том, что демократия не может быть механической заменой тоталитарного режима, которым на протяжении длительного периода времени управлялось общество. Он не дает готовых рецептов по демократизации общества и его экономики, но только указывает направление развития будущих процессов: «Мы намереваемся перейти от тоталитарной системы к

демократии, поскольку новое общество невозможно построить пользуясь старыми, изжившими себя, механизмами управления».

Свобода является для него одной из важных целей и потому, «... нация не может быть свободной, если не свободен каждый ее гражданин», – пишет он.

В конце статьи Салих высказывает свое стремление, состоящее в том, что «Эрк» будет бороться за то, чтобы «облегчить процесс изменений на пути истинной независимости и демократии».

Оценивая отношения его страны с Россией, Салих высказывает сомнения относительно ее позитивного влияния на развитие Узбекистана. «Люди должны верить только в свои силы и не надеяться на помощь извне», – пишет он.

В День независимости Узбекистана Салих вспоминает историю народных антиколониальных восстаний узбеков против ненавистного им российского самодержавного режима. В этих восстаниях узбеки жертвовали своими жизнями ради обретения Узбекистаном свободы и независимости. Именно поэтому обретению независимости мы должны быть обязаны не падением коммунизма в Москве, а, прежде всего, своей собственной истории, героям узбекского народа – простым людям, которые сумели сохранить в своих сердцах идею свободы. Завершая статью, он цитирует один из своих стихов, написанный им в 1984 году:

Аллах создал тебя, чтобы ты пел
о розах.
Все таланты видны в тебе.
И если ты, глядя в небо, говоришь:
«Это небо мое!»
Это подходит тебе.
Если это подходит тебе,
если ты скажешь, что «эта земля моя!»
и говоря это – ты не солжешь.
И если в стихе твоём есть строка:
«эта земля моя!»
Ты никогда не усомнишься в этом, как я.
Если ты скажешь: «эта родина моя»,
никто не скажет тебе, что это не так.
Потому что ты говоришь правду
снова и снова.
И, говоря это, ты никогда не заплачешь
так как я.
И из глаз твоих не потечет кровь,
как с моих.

В этом стихотворении Салих отдает дань уважения тем, кто смог утвердить Узбекистан как свою землю и свою родину, называя ее сво-

им именем. Отметая сомнения в том, действительно ли земля принадлежит тем, кто на ней родился, он утверждает, что те люди, которые верили в подлинность своей родины, говорили правду. Возможно, он и плачет, все еще не способный поверить, что родная земля принадлежит ему, а может быть и потому, что люди, которые так думают, не могут видеть и чувствовать боль, как он.

Но Салих – политик, вынужден все же признать, что, хотя Узбекистан и является родиной для узбеков, которые могут сказать: «да, эта земля моя!» – в действительности же Узбекистан все еще управляется не ими.

Объявление Узбекистана независимым государством, является, по мнению Салиха, пока еще не осуществленной мечтой народа о подлинной независимости. Это только начало на трудном пути к подлинной независимости. «Сегодня мы говорим: эта земля моя и никто против этого не возражает... Сегодня мы идем с высоко поднятыми головами, гордо говорим, что мы – нация! Но сегодня мы находимся только вначале трудного и долгого пути».

Период с середины 1989 до 1992 годов стал периодом драматических политических изменений в общественной жизни Узбекистана. Постепенно, волна социально-политической эйфории, связанной с массовыми митингами, откровенность и прямота политических лозунгов и высказываний начинает иссякать под давлением, срочно организовавшей свой репрессивный аппарат, власти. Конечно же, некоторые позитивные изменения, связанные с приданием узбекскому языку статуса государственного языка и с провозглашением государственной независимости, все же произошли. Однако уже в конце этого периода узбекское общество имело значительно меньше гражданских и политических свобод, чем в его начале.

Правительство не предприняло никаких шагов для модернизации экономики, ликвидации экологического кризиса, улучшения медицинского обслуживания населения, а также для решения целого ряда жизненно важных социально-экономических проблем, лежащих тяжелым грузом на плечах народа. И потому надежды узбеков на какие-либо позитивные сдвиги, которые должны были прийти вслед за обретением независимости, стали приобретать все менее ясные очертания.

В эти годы Салих проявил огромную политическую активность – более, чем когда-либо прежде, он посвящал все свое время политической деятельности: был в составе Президиума «Бирлик», основал партию «Эрк», избирался депутатом парламента республики, баллотировался на пост президента Узбекистана. Но то, что поначалу вселяло надежды то, о чем он мечтал и ради чего безоглядно вошел в политику, стало для него источником горьких разочарований с того времени, когда Каримов окончательно закрутил все гайки, и к середине 1992 года заставил Салиха уйти в глубокое подполье.

Салих в этот период мало пишет и ничего не публикует из за цензуры и постоянного преследования.[3]

В конечном счете, президент Узбекистана И. Каримов ужесточил контроль и, более того, установил стабильный порядок ценой ущемления гражданских прав и демократических свобод всего населения Узбекистана. Каримов показал себя непримиримым противником какой-бы то ни было оппозиции своему режиму (хотя в 1993 году им самим была создана ручная «оппозиционная» партия «Ватан тараккиёти» («Прогресс родины»), в которую вошли люди из его близкого окружения). Те, кто открыто противостоит режиму, могут быть в любой момент подвергнуты избиению, заключению под арест и изолированы от общества в тюрьме.

Несмотря на свое изгнание из Узбекистана, вынужденный переезд из Турции в Германию, Салих тесно связан с политикой своей страны. Он продолжает бороться за гражданские и демократические преобразования, благодаря которым могут быть созданы условия для национально-государственного возрождения его Родины – Узбекистана.

[1] Автор ошибочно принимает провозглашенную в этот день «Декларацию о независимости» как объявление суверенитета. Как известно, «Декларация о независимости» напугала узбекских коммунистов и они изменили слово «независимость» на «суверенитет» и т.д. (Прим. ред.).

[2] Автор, опираясь на тенденциозный анализ Билла Фирмана, делает неверное заключение: Каримов дал согласие на регистрации партии «Эрк» только после янаевского путча, и после объявления независимости Узбекистана, т.е. 5 сентября 1991 года вместе с регистрацией «Бирлика». (Прим. ред.).

[3] Именно в этот период Мухаммад Салих написал свой на шумевший памфлет «Государственные тайны». Книга издана в Казахстане 20-тысячным тиражом и распространена по Узбекистану активистами партии «Эрк». (Прим. ред.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ (1992 - начало 1995 гг.)

Последний период, исследуемый в нашей работе, характеризуется курсом дальнейшего ужесточения политических репрессий в Узбекистане, проводимых режимом Каримова против оппозиции.

Провозглашенный им тезис: «стабильность любой ценой» означал для населения Узбекистана начавшуюся кампанию по подавлению любого проявления инакомыслия. Массовые аресты, побои, ужесточение контроля над информационными службами, печатью, радио и телевидением, новое КГБ, методы которого, по многочисленным свидетельствам пострадавших, ничем не уступали методам пресловутых сталинских органов политического сыска, стали главной реальностью, характеризующими режим Каримова.

Поздней весной 1992 года, воспользовавшись начавшимся политическим и социальным хаосом в Таджикистане в качестве оправдания своим антидемократическим методам правления, Каримов окончательно укрепляет свой авторитарный режим. В июне подвергнут жестокому избиению бывший сопредседатель «Бирлика» Абдурахим Пулатов. В это же время Салих, в знак протеста против политического террора, проводимого Каримовым, слагает с себя полномочия депутата, а возглавляемая им партия «Эрк» уходит в подполье.

В августе этого же года Каримов заявил, что оставляет за собой право по своему усмотрению сокращать срок полномочий любого депутата. Это означало, что любое возражение депутата против официальной доктрины власти в лице иерарха могло быть истолковано дестабилизирующим и привести к лишению депутатского мандата. В сентябре 1992 года правительство конфисковало имущество и банковский счет «Эрка». В том же месяце «Независимая газета» (Москва) сообщила об эскалации репрессий и преследований против оппозиции, развернувшейся по всей территории Узбекистана.

Как уже было сказано выше, в июне 1992 года Салих сложил с себя депутатские полномочия и вместе со своей партией перешел на нелегальную деятельность. Однако преследование Каримова сделали невозможным дальнейшее пребывание Салиха в Узбекистане и он принимает для себя непростое решение - искать политическое убежище за рубежом.

Поначалу он выехал в Туркменистан, затем в Иран, а оттуда - в Турцию. Его мечты о независимом и демократическом Узбекистане разбилась вдребезги - по крайней мере отодвинулась на неопределенное время.

В сентябре 1993 года он написал и издал публицистическую книгу «К светлым дням», которая была нелегально переправлена в Узбекистан и распространена по всей республике в конце года.

В этой книге рассказывается о деспотическом правлении Ислама Каримова, сопоставимом с периодом сталинского режима.

Салих тщательно анализирует внутреннюю и внешнюю политику Узбекистана и делает вывод, что прикрываясь необходимостью сохранить в республике стабильность и гражданский мир, Каримов жестоко преследует оппозицию, урезает свободу печати, права и свободы граждан. В этой ситуации лишь немногие статьи, публиковавшиеся в республиканских изданиях, сообщали о фактах гражданского сопротивления режиму со стороны населения. Опасаясь, что истинная картина политического беспредела, осуществляемая его режимом, станет достоянием гласности, Каримов пошел на запрет некоторых российских газет, в которых публиковались материалы, не соответствующие его политическим и идеологическим доктринам.

К примеру, статья, опубликованная в ноябре 1992 года в газете «Известия» (Москва) о цензуре в Узбекистане, дезавуировала в глазах общественности образ Каримова как правдивого и демократического правителя. В статье говорилось: «... Законы, в любой демократической стране и даже в Узбекистане, как в государстве, считающим себя демократическим, предусматривают штрафы за нарушение свободы информации. Цензуру они объявляют вне закона, однако в Узбекистане она существует».

Неудивительно, что эта статья вызвала резкую реакцию Каримова, который запретил распространения газеты в Узбекистане. Отвечая на протесты редакции «Известий», правительство объяснило свой запрет не как акт цензуры, а как «рабочий контроль».

Год спустя, в другой статье «Известий», озаглавленной: «Журналисты обучены, о чем писать», описывалось, что узбекские журналисты получали официальные инструкции того, как писать статьи в поддержку правительства. Примечательно, что российские журналисты, аккредитованные в Узбекистане, на подобные встречи не приглашались.

Однако, несмотря на усиленный контроль за узбекистанскими СМИ, в некоторых газетах все же просачивалась информация об арестах, избиениях и других нарушениях в отношении оппозиционно настроенных граждан. В декабре 1992 года несколько представителей оппозиционных партий «Бирлика», «Эрка» и др., попытались принять участие в работе международной конференции, посвященной правам человека, проходившей в столице Кыргызстана Бишкеке. Но они были арестованы узбекской милицией прямо в Бишкеке, причем, без каких-либо санкций со стороны органов прокурорского надзора Кыргызстана и депортированы в Узбекистан. Один из людей, причастный к оппозиции и уволенный за это с работы, выехал в Москву и остался там из-за боязни ареста (Пулатов, 1993).

В марте 1993 года, представителем «Бирлика» было направлено

письмо в Палату представителей США с информацией о тех людях, которые были арестованы в последние месяцы по сфабрикованным обвинениям. В письме содержалась отчаянная мольба об оказании давления на Каримова со стороны США.

В мае 1993 года, в статье еженедельника «Новое время» (Москва) Национальный комитет безопасности Узбекистана сравнивался с советским КГБ. В статье приводились факты обысков гостиниц, ночные визиты сыщиков и другие действия служб безопасности Узбекистана, методика которых сопоставлялось с действиями сталинской охраны.

В то время, как «Новое время» запрещалась для распространения в Узбекистане, любой, кто отваживался распространять «Известия», подвергал себя риску быть арестованным. В других изданиях (не узбекских) также описывались аресты по сфабрикованным обвинениям, методы пыток, запугивание и страх арестов, охватившее узбекское общество.

Публикуемые в официальной прессе заявления Каримова относительно принципов его правления служили усилению репрессивных действий его режима и оправдывались его заботой о необходимости жесткого контроля над ситуацией.

Так, в марте 1993 года, в своем заявлении он обвинял оппозицию в попытке насильственного захвата власти и в терроризме. Каримов утверждал, что его целью является контроль за деятельностью правовых институтов государства и общественных организаций. Примечательно при этом, что он ни слова не проронил о деятельности правительства, направленной на улучшение жизни населения Узбекистана.

Ни предложения, сделанные партией «Эрк» и касающиеся проблем приватизации, охраны здоровья и других жизненно важных для общества и его экономики вопросов, ни предложения «Бирлика» по улучшению социально-экономической ситуации в Узбекистане не были восприняты Каримовым в качестве конструктивных. Отвечая на вопросы о его контроле над СМИ, он сказал, что во всем мире существует международные правила по пересечению государственных границ. Вот, якобы, почему некоторые зарубежные журналисты не могут получить въездные визы в Узбекистан.

Что же касается закрытия оппозиционных газет, то он ответил, что не в силах влиять на это, поскольку не намеревается вмешиваться в действия ведомств, в чью компетенцию входит работа со СМИ.

В мае 1993 года Каримов вновь всенародно заявил, что демократические процессы в стране идут полным ходом.

Конституция Республики Узбекистан, опубликованная в мае 1994 года, декларировала гражданам право участвовать в массовых митингах и других общественных манифестациях. Однако, в то же время, в СМИ просачивалась информация, свидетельствующая об обратном.

В октябре 1993 года «Эрк» требовала своей перерегистрации в качестве политической партии, но это заявление было отклонено. В

феврале 1993 года деятельность «Бирлика» была полностью приостановлена. Несмотря на эти запреты, силы оппозиции продолжали делать все возможное, чтобы как-то противостоять режиму Каримова и проложить пути к демократическим свободам. К примеру, приняли участие в Международной конференции по правам человека, проведенной в Кыргызстане. В своей газете, продолжавшей издаваться подпольно, «Эрк» опубликовал статью, в которой описывались возможные пути для подъема экономики республики, состоящие в земельной реформе, квалификационных экзаменах для претендентов на занятие руководящих постов, мерах по борьбе с коррупцией и т.д. «Эрк» также выступал за предоставлении полных свобод по вероисповеданию.

Кроме того, на страницах своей газеты, «Эрк» опубликовал стенограмму обсуждения своего партийного конгресса (январь, 1994), в которой шла речь об основных направлениях политической борьбы партии за обеспечение свободы слова и свободы печати. Примечательно, что в этот период «Эрк» все еще выражал свою готовность пойти на диалог с правительством, даже несмотря на то обстоятельство, что в конце работы конгресса, активист партии Намаз Нормумин, который писал отчет о выступлениях участников, из-за угрозы ареста был вынужден бежать из страны.

Находясь в Турции, Салих по-прежнему активно интересовался развитием политических процессов в Узбекистане. Его произведения отличаются теперь разочарованием и выражают крушение надежд по поводу перемен, произошедших в Узбекистане. Однако надежда на позитивные изменения на его родине все упорно еще жила в нем.

В Стамбуле он написал большую статью «К светлым дням». Эта крупная работа, в которой последовательно развиваются мысли автора о последних четырех годах политического процесса в Узбекистане.

Статья состоит из двух основных частей: короткого введения, написанного в ноябре 1993 года и открытого письма, датированного сентябрем 1993 года. В письме автор анализирует те же темы, что и в работах раннего периода, а именно: призыв к узбекам думать самостоятельно, о новом руководстве Узбекистана, узурпировавших власть, и о роли партии «Эрк» в политических процессах, происходящих в республике. Более чем какие-либо работы автора, статья «К более светлым дням» показывает взаимоотношения между Салихом и политическим руководством Узбекистана со всей неприкрытой откровенностью.

Находясь в изгнании за пределами своей страны, Салих открыто писал все, что хотел сказать как человек, вкусивший свободу, а потом лишенный ее. Искренне оплакивая последнюю утраченную возможность в своем призыве к узбекам, он все же выражает надежду на будущее, созданию которого посвящена политическая цель, руководимой им из-за рубежа партии «Эрк».

Введение посвящено вопросу свободы. Оно начинается с энергичной фразы: «Свободные люди часто забывают о своей свободе, как за-

бывают о своем теле и о своих глазах». Далее он пишет: «Свободный человек смотрит на свою свободу как на естественную часть своей жизни... Если ваша страна свободна - то это благо, если свободен ваш народ и свободен каждый человек - то это благо. Если человек приходит к свой родной дом и разговаривая со своей семьей, не снижает голоса, опасаясь подслушивающего устройства - то это благо. Если работники служб безопасности не хватают его, не увозят на машине, не будут жестоко избивать и после этого не бросят на мусорную свалку - то и это благо. Сегодня в Узбекистане каждый думающий человек мечтает о таких благах. Люди хотят не только «хлеба и немного мяса», как считает наше правительство, они хотят обыкновенной свободы и безопасности. Хотят немного прав».

Салих напоминает, что правительство Узбекистана обещало своим гражданам простые блага, такие как хлеб, мясо и рис. Оно заявляло также о приоритетном развитии экономики как об условии повышения благосостояния народа. Но «даже сегодня люди не сыты настолько, чтобы не ощущать постоянного голода, наоборот, с каждым днем все больше нищают» (4). Даже городское население, которое жило сравнительно хорошо на протяжении первых двух лет правления Каримова, сегодня сомневаются в том, что экономика республики поднимется. Граждане Узбекистана считают, что правительство должно ответить, почему за предшествующие 10 лет республика ни на шаг не продвинулась вперед, а даже наоборот - откатилась назад.

«Час ответа обязательно наступит, но ответ правительства никогда не восполнит потерянной возможности. Мы должны требовать ответа у них сейчас, а не в будущем, а не потом...

Этот ответ должны дать жестокие хозяева, надменно восседающие на троне» (4).

Мощное начало задает тон письму, в котором Салих продолжает свою гневную речь. В ней он развивает некоторые из тем своих ранних произведений, критикует политику узбекского правительства, внутреннюю и внешнюю. Сквозной темой всего письма проходит рассказ о роли «Эрка» в борьбе за позитивные перемены в Узбекистане.

Также как в своей ранней работе «Письмо к своему младшему брату», в работе «К светлым дням» Салих призывает своих собратьев-узбеков мыслить самостоятельно. Он высказывает надежду на то, что «Эрк» поможет людям освободиться от охватившего их пессимизма своим идеологическим девизом, который призывает к «национальному пробуждению и независимому государству» (16). Салих пишет: «...никто не может убедить кого-либо в чем-либо, во что он не верит сам» (16). Если научить узбеков думать самостоятельно, то они начнут изменять свои убеждения, - считает он. «Хотя независимость стала для узбеков даром божьим после 135 лет колонизацией Россией и Советами, за эту независимость было заплачено многими жизнями...»

В сердцах людей, отдавших жизнь за свободу, было убежденное сознание родины и свободы. И, самое главное, у этих людей было

«обыкновенное чувство человеческого достоинства в отличие от тех, кто сегодня продолжает терпеть угнетение» (21).

Салих открыто осуждает непрочность моральных устоев, характеризующих состояние современного общества в Узбекистане.

По мнению Салиха, молодое государство не может быть построено без идеологии. Существующая же сегодня идеология каримовского режима является вульгарной копией коммунистической идеологии. Однако, говорит Салих, с одним существенным отличием: она декларирует независимость Узбекистана. Он продолжает: «Узбекская идеология утверждает: «каждый должен любить свою родину». Разве не говорила коммунистическая империя эти же слова?.. Независимая идеология утверждает, также, что каждый гражданин должен ценить свое историческое наследие. Как будто коммунистическая идеология не утверждала того же (54).

«Независимая идеология призывает нас,- пишет он далее: -«любить свою родину». Но для того, чтобы любить ее, у нас должно быть соответствующее сознание. Кто пробудит это сознание в нас?» (16).

Таким образом, призыв «Эрка» состоит в том, чтобы побуждать народ мыслить самостоятельно. Салих считает, что этого можно достичь посредством общественных организаций, таких как культурные центры, фонды, ассоциации, клубы, общественные религиозные образования, творческие союзы и т.д. Иначе говоря, посредством создания подлинно демократических институтов. (16).

Такие организации начинали создаваться в Узбекистане вначале 1990 годов, но с ужесточением режима, были спешно ликвидированы. Такие организации должны быть восстановлены, считает Салих, поскольку, с их помощью государство должно строить свою идеологию на основе народного доверия. Но прежде, чем у нации будет своя собственная идеология, у нее должно быть политическая и экономическая свобода: «потому что, если человек скован цепями, он не может любить свою нацию, он не может пожертвовать собой ради нее» (17).

В работе Салиха затрагивается одна из основных причин того, почему узбекское общество не сумело создать своей собственной идеологии. По утверждению автора, главная причина состоит в отсутствии сформировавшегося национального самосознания. Только независимое мнение граждан и их самостоятельный выбор могут создать продуктивную политическую и экономическую систему. Когда это произойдет, граждане будут работать внутри системы, даря свою искреннюю преданность существующему правительству. В рамках же правящего режима Ислама Каримова не существует никакой свободы. Поскольку народ для власти является объектом воздействия, а не субъектом, как должно быть при демократическом самоуправлении.

Таким образом, свои надежды Салих связывает с тем, что «Эрк» сможет пробудить национальное сознание узбекского общества, призывая сограждан увидеть жизнь такой, какой она является в действительности и работать во имя его конструктивного преобразования.

Другой темой статьи «К светлым дням», является необходимость сопротивления тотальному контролю и господству, осуществляемому каримовским режимом, который является, по существу, простым продолжением жесткого порядка, до последнего времени осуществляемого Москвой. Салих отмечает, что «... сегодня в Узбекистане не существует возможности для нормальной политической деятельности и права, запрещено также протестовать и проводить манифестации. На улицах, дома, на работе - везде согладатаи, каждый день расследуется новый «заговор», объявляется новое наказание. Салих критикует лицемерную риторику узбекского правительства, когда оно заверяет, что Узбекистан - это демократичная страна. Он описывает демократию как самоуправляемую, независимую от личности правителей, систему, которая изгонит любого ярого расиста или фашиста, даже если он придет к власти. Но в Узбекистане, если на «троне» «Тошмат», то все государство будет в «тошматкой» власти. Если «Ишмат», то в «ишматкой», либо любого другого узурпатора. Салих призывает своих собратьев-узбеков бороться за свои демократические права; «сегодня наша нация должна признать себя равной среди других наций мира и, в соответствии с этим, она должна учиться требовать соблюдения своих законных прав у любого правительства».

Что касается экономики и здравоохранения - проблем, которым посвящается вторая глава работы Салиха «К светлым дням», то автор считает, что правительство республики нимало не заботит то обстоятельство, что люди бедны и голодны. Правительство больше заботит борьба с демонстрациями и с оппозицией.

Указывая на те же сегменты, характеризующие кризисное состояние узбекской экономики и социальной жизни, что и в прежней своей статье «Трудное пробуждение», он показывает, что в то время, как зарплата правительственной номенклатуры выросла за это время в десятки раз, зарплата - тружеников села осталась на прежнем уровне. Более того, она не выплачивается по несколько месяцев. (30). Он также ссылается на данные статистики, согласно которым здоровье людей ухудшается, а детская смертность растет. Все это свидетельствует, что, находясь в изгнании, Салих не теряет своей связи с родиной и что ни одна из этих проблем не исчезла, несмотря на проводимую властями политику информационной изоляции - они всегда оставались в активном поле зрения оппозиции.

В отличие от Каримова, который, хотя вынужден проявлять терпимость к исламу из-за мусульманского большинства населения республики, однако, по причине своего атеизма, боящегося затрагивать проблемы веры и религиозных традиций и ритуалов, Салих открыто анализирует некоторые аспекты религии. Он пишет: «Если мужчина носит галстук, а женщина не носит паранджу - это не значит, что они не верующие, поскольку исламские педагоги всегда занимались воспитанием внутреннего мира человека. Основой ислама является вера в единство Господа и служение Ему, а не паранджа и чалма. Салих пишет далее, что ислам - это смелая и бесстрашная вера. Только рели-

гия ислама учит нас не склонять головы ни перед кем, кроме Аллаха, только ислам призывает нас не бояться никого, кроме Аллаха» (19). В этих словах, Салих, по-видимому, использует постулаты ислама в своих собственных политических целях, призывая узбеков не склонить свои головы и не бояться Каримова и его диктаторского режима.

Помимо того, что Салих повторяет некоторые из тем своих ранних выступлений, в его работах широко представлены размышления о политике узбекского правительства и о проблемах подлинной независимости Узбекистана. Он начинает свою дискуссию со знакомого нам по прежним публикациям образа статуй. Однако, в отличие от своих ранних работ в которых образ статуи играет ключевую семиотическую функцию, иносказательную фигуру, теперь этот образ только упоминаются. Салих вспоминает, как в далеком 1982 году, прогуливаясь по Ташкенту и беседуя с русским поэтом, они остановились перед памятником Ленина. Приятель-поэт спросил: «Доживут ли они до того времени, когда рухнет памятник, символизирующий власть Москвы». В ответ Салих сказал: «Конечно же памятник непременно рухнет, но я боюсь, что железобетонная голова кумира разобьет вдребезги красивый мраморный пьедестал». «Я тогда не представлял себе, что эта шутка превратится в горькую реальность,- продолжает Салих. - Десять лет назад Советская империя представлялась настолько мощной и монолитной, что, казалось, никакая сила в мире не способна разрушить ее» (20).

Салих осуждает режим Каримова, в котором кадры подбираются в соответствии с закулисными интригами и сообразно своей готовности полному подчинению приказам и распоряжениям президента. Он пишет: «Правительство не верит своей администрации. В свою очередь, администрация не верит своему правительству. Администрация, понимающая что она временно находится у кормушки, вынуждена думать, конечно же не о благе государства, а исключительно о своем собственном кармане. Она использует подкуп и взятку, но никогда не пытается сделать свою работу быстро и качественно. Это происходит еще и потому, что для власть предержащего чиновника не имеет никакого значения, как он выполняет свои должностные обязанности: хорошо или плохо. Его труд оценивается другими критериями - внеэкономическими. Именно по этим причинам чиновники саботируют свои обязанности и, как следствие, государственная структура не работает, уровень производства снижается, а это, в свою очередь, отражается на материальном положении народа» (29).

Вместе с тем, Салих обвиняет в происходящем не одну лишь администрацию, а политический режим Каримова, его порочные методы, которые принуждают людей делать заранее некачественную работу и искать источники своих доходов в коррупции.

В противовес действующему режиму, Салих видит государство, которое ставит перед администрацией требования качественного и квалифицированного выполнения своих обязанностей, абсолютной ответственности за результаты своей деятельности и неподкупности.

Он пишет, что государство должно обеспечить свою администрацию достойной зарплатой и привилегиями, чтобы иметь полное моральное право карать нарушителей законности и мздоимцев. (14). Таким способом администрация получала бы законное поощрение за свою рачительность по отношению к производству и к государству, которое доверило ей его руководством. Этим Салих проявляет свое понимание того, что в политической системе, в которой труд администрации оплачивается в соответствии с ее квалификацией и ответственностью, нет объективных причин для финансовых злоупотреблений.

Салих резко критикует внутреннюю политику Каримова, которая ползет деспотическими, волюнтаристскими методами и следует принципам старой тоталитарной системы, оставшимся в наследство от колониального советского режима. Когда Каримов пришел к власти, он заявлял, что невозможно свергнуть старую политическую систему без того, чтобы предварительно не построить новую. В то время, четыре года назад, Салих был согласен с таким подходом и закрывал глаза «на грубые политические ошибки правительства» (24), пока не осознал, что в изменившейся действительности не строилось никакого нового государства. Салих оговаривается, что не все то, что пытался делать Каримов, было изначально неправильным - позитивные изменения не проходили по той причине, что сам Каримов не был к ним готов. Он пишет, что до выборов (в декабре 1991 года) правительство в некоторой степени вынуждено было принимать во внимание мнение народа. Но уже с 1992 года оно уже, все более откровенно, стало приобретать качества, враждебные народу (25). Автор приводит многочисленные примеры того как руководство республики запретило «Бирлик», конфисковало банковский счет партии «Эрк», закрыло пять областных газет и газету «Эрк», организовало избиение бывшего вице-президента Узбекистана Мирсаидова, заключило в тюрьму нескольких активных членов оппозиции. Он с горечью констатирует, что «Узбекистан превратился в страну стукачей, сыщиков и прокуроров». (26).

Салих утверждает, что большая часть национального бюджета республики расходуется на содержание работников силовых ведомств. По мере увеличения людей, недовольных системой, растет количество надзирателей за порядком, и, соответственно, возрастает количество преследуемых и заключенных под стражу. Эта ситуация означает, что «правительство, подавляя недовольных, порождает в народе еще большее недовольство» (27). Причина ужесточения террора властей объясняется страхом Каримова перед своим народом. Автор цитирует народную поговорку: «Когда у человека разорваны штаны, он боится любой щепки» (27). «Штаны нынешнего режима порваны», - заключает Салих. Говоря иначе, нынешний режим боится всех и вся и поэтому он чувствует себя вынужденным контролировать каждый шаг каждого человека.

Внешняя политика Узбекистана, по мнению Салиха, страдает от недостатка практики и опыта дипломатической деятельности у руководства. Но еще более, от того, что в ней отражается ущербная и

деспотичная политика самого Каримова. Автор утверждает, что средства для субсидирования внешней политики оседают в чьих-то карманах. Более того, зарубежные компании не хотят рисковать, вкладывая инвестиции в экономику Узбекистана, поскольку в стране нет твердой экономической политики, а вся ее система разъедена подкупом, кумовством и коррупцией» (28).

Приводя примеры вопиющей некомпетентности узбекского правительства в установлении внешних отношений, он отмечает, что правительство не знало, чью сторону занять когда США бомбили Ирак, или же когда Армения оккупировала Азербайджан.

Несмотря на то, что «Эрк» находится в подполье, Салих все же надеется, что возглавляемая им партия сможет осуществить некоторые позитивные изменения в Узбекистане в деле демократизации общества и его экономики.

Говоря об оппозиции, Салих считает, что оппозиция необходима в любой стране, поскольку основной ее задачей является выражение мнений и интересов одной части гражданского населения, что дает ей гарантированное законом право и возможность контролировать действия другой части населения или политической партии, находящейся в данный период времени у власти.

«Первоначальной целью партии «Эрк», - напоминает он, - было преобразование Узбекистана в демократическое государство» (11). Отвечая тем, кто утверждает, вопреки действительности, что Узбекистан уже стал демократической страной, он пишет: «для того, чтобы построить действительно демократическую страну, недостаточно простого принятия демократической конституции. Народ Узбекистана - формальный «обладатель» такой конституции, но она не приносит ему никакой пользы» (11).

Говоря о роли оппозиции, Салих повторяет, что «Эрк» никогда не представлял угрозы для правительства, поскольку в своей деятельности придерживался рамок закона. «Эрк» поддерживал мир и спокойствие народа, а главным девизом партии было «национальное единство» (33). «Эрк» «... искал пути примирения, но мы не смогли его найти, поскольку правительство закрыло эти пути для нас» (34). Он пишет далее, что «Каримов обещал свободу узбекскому народу, а вместо этого он дал народу рабство». В результате, Салих и возглавляемый им «Эрк», борются за то, чтобы доказать, что узбекский народ, как и любой другой народ, достоин демократии и свободы. «Мы боремся за то, чтобы доказать, что эта родина является родиной узбеков- великой нации, чья история полна деяниями во имя чести, достоинства и благородства» (34,35).

Автор выражает надежду на то, что и само правительство, и рабочие, и крестьяне, и армия, и милиция и даже КГБ,- все свободомыслящие и патриотически-настроенные люди, примут его сторону в борьбе с режимом, поскольку это единственный путь в направлении исторического прогресса нации.

«Для того, чтобы победить в этой борьбе, у «Эрка» есть оружие, которого нет у режима и поэтому он обречен,- утверждает Салих. - Этим оружием является вера в Бога, любовь к родине и сам узбекский народ» (35).

В статье «К светлым дням», аккумулируются мысли автора о судьбе нации и государства, описываются первые четыре года суверенитета Узбекистана. Это произведение - взвешенное изложение политической концепции самого автора и программных действий возглавляемой им политической партии «Эрк». Салих избегает метафоричности изложения, какие-либо намеки или иносказания. С того времени, когда он был изгнан из своей страны, его мировоззренческие установки, стиль изложения приобрели предельную четкость и прямоту - он свободен в мыслях и в способах их изложения.

Возможно, из-за влияния туркоязычной среды, в которой долгие годы находился Салих, или из-за того, что он начал забывать свой родной узбекский язык, а возможно и из-за ошибок машинистки, вся его статья изобилует ошибками, заметными даже для людей, не владеющих узбекским языком. Тем не менее, манера изложения фактов Салихом остается по-прежнему последовательной и не утрачивает присущей ей образности, что выдает в нем его давнее пристрастие к художественному слову.

Осенью 1994 года Каримов потребовал от правительства Турции отказать Салиху в предоставлении политического убежища. Были даже сообщения о том, что Каримов, в ультимативной форме, заявил: «Если Турция позволила человеку, мешающему узбекскому правительству проводить свою политику, оставаться в стране, то это неблагоприятно отразится на взаимных отношениях между двумя странами». Резкая реакция Каримова на пребывание Салиха в Турции вынудила последнего выехать в Германию (1995). Однако он не прекращал заниматься оппозиционной деятельностью против режима Каримова. В январе 1995 года Национальный демократический институт (США) пригласил Салиха вместе с лидером «Бирлика» (который проживал в Турции) в Соединенные Штаты, чтобы они изложили свои суждения относительно того, что происходит в Узбекистане.

Последний из анализируемых нами периодов, равно как и все предыдущие, показывает как поэтическое и политическое творчество Салиха реагирует на развитие политических процессов в Узбекистане.

В конечном счете, президент Узбекистана И. Каримов ужесточил контроль и, более того, установил стабильный порядок ценой ущемления гражданских прав и демократических свобод всего населения Узбекистана. Каримов показал себя непримиримым противником какой-бы то ни было оппозиции своему режиму (хотя в 1993 году им самим была создана ручная «оппозиционная» партия «Ватан тараккиёти» («Прогресс родины»), в которую вошли люди из его близкого окружения). Те, кто открыто противостоит режиму, могут быть в любой момент подвергнуты избиению, заключению под арест и изолированы от общества в тюрьме.

Несмотря на свое изгнание из Узбекистана, вынужденный переезд из Турции в Германию, Салих тесно связан с политикой своей страны. Он продолжает бороться за гражданские и демократические преобразования, благодаря которым могут быть созданы условия для национально-государственного возрождения его Родины- Узбекистана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанный в данной работе процесс политического развития Узбекистана, охватывает все 4 периода (с 1977 по начало 1995 гг.) и находит свое отражение в произведениях Мухаммада Салиха и в его собственной деятельности как политика-практика. Взаимосвязь его поэзии, прозы, публицистических и политических статей с эволюцией политических процессов, протекающих в Узбекистане в указанный отрезок времени совершенно очевидна. Его произведения изменялись по стилю и содержанию вместе с меняющейся политической атмосферой, в которой формировалось узбекское общество и ростом собственного политического мировоззрения поэта и политика.

На протяжении первого периода Салих был ограничен в свободе и не имел возможности для открытого выражения своих мыслей и политических идеи, однако с началом перестройки и гласности он начинает все более решительно пользоваться предоставленной свободой слова. Первые ростки демократизации стали для поэта мощным импульсом для его личного участия в политических процессах, могущих внести позитивные изменения в жизнь узбекского общества, став для него определяющим фактором в выборе стези политической деятельности. Этот выбор радикально изменил не только его мировоззрение, но и жанр и стиль его публикаций. На протяжении первого периода (с 1977 по 1985 гг.), когда в бывшем Советском Союзе существовали жесткие ограничения на свободу слова, стиль изложения Салиха был иносказательным и метафоричным. Это видно из его творчества данного периода – «Письмо к младшему брату» и трех рассказов о памятниках-статуях, в которых мысли автора выражаются иносказательно. С помощью скрытого смысла Салих дает читателю понять, что он – против жесткого контроля Москвы над

всеми сферами жизни в Узбекистане, а ее присутствие нежелательно, и даже, порой, нелепо и комично. В этих произведениях Салих высказывает дерзкую мечту, что когда-нибудь российское влияние на его родной земле прекратится. В двух стихотворениях этого же периода Салих говорит о своей любви к узбекскому языку и показывает важность родного языка в сохранении культуры узбекского народа.

На протяжении второго периода (1986 – середина 1989 гг.), так называемая, «гласность» дала возможность Салиху для более четкого и ясного выражения своих мыслей относительно политической ситуации в Узбекистане. В своей речи на октябрьском пленуме Союза писателей Узбекистана (в 1986 году) он требует политической реабилитации репрессированных в 20-30-е годы узбекских писателей

и пересмотра негативных оценок в отношении истории и культуры узбекского народа. В таких выступлениях как «Здоровье женщинам», «Возвращение» и «Трудное пробуждение» Салих рассматривает проблемы экономики, здоровья населения республики, планирование семьи и экспансию хлопковой монокультуры, а в открытом письме академику Эркину Юсупову продолжает неустанно напоминать о значении узбекского языка и выдвигает требование, чтобы придать ему статус государственного языка.

Узбекское общество в этот период времени также, все более смело и открыто, начинают требовать независимости Узбекистана от Москвы.

Второй период завершается назначением Ислама Каримова на пост Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана (лето 1989 г), когда массовые демонстрации достигают своего апогея.

На протяжении третьего периода (1989 – 1992 гг.) медленно уменьшается влияние Москвы, а с декабря 1991 года, после известного «августовского (1991 г.) путча» и последовавшего за ним обвального крушения Советского Союза, Каримов резко усиливает свой тотальный контроль за свободой слова. В этот период Салих с головой погружается в политический процесс: активно участвует в движении «Бирлик», создает свою политическую партию «Эрк», участвует в выборах в Парламент Узбекистана, а затем – в президентских выборах. В его статье «К светлым дням» отражена не только эволюция происшедшая в его индивидуальном мировоззрении, но и в общественно-политической атмосфере Узбекистана.

Получив самостоятельность, Узбекистан получил в наследство от советского прошлого и ряд тяжелых социально-экономических, экологических и социально культурных проблем, которые ему приходилось решать, полагаясь на собственные ресурсы. В результате, под предлогом установления стабильности и гражданского порядка, президент Узбекистана Ислам Каримов ужесточает надзор над обществом, беспощадно подавляет оппозицию и проявление любой формы инакомыслия.

На протяжении четвертого, последнего в нашем исследовании, периода (1992 – 1995 гг.) Салих, преследуемый режимом Каримова, вначале уходит в подполье, а затем покидает Узбекистан.

Вопреки своим заверениям держаться курса демократических преобразований, Каримов устанавливает в Узбекистане полный диктат над всеми сферами жизнедеятельности людей. В своей политике он проявляет открытое нетерпение к любому проявлению гражданских свобод и подвергает оппозицию циничному оговору и жестокому преследованию.

Тем временем, экономическое, экологическое, социальное положение Узбекистана и его населения продолжает ухудшаться. Узбекское общество при Каримове получает значительно меньше гражданских и демократических свобод, нежели во время периода гласности. Неко-

торые с ностальгией начинают вспоминать о «старых и добрых днях» советской жизни, когда они имели хоть и ограниченный, однако и гарантированный заработок, еду, рабочее место и бесплатное медицинское обслуживание.

Изгнанный сначала в Турцию, а затем в Германию, Салих, в одной из своих важнейших политических публикаций «К светлым дням» по-прежнему призывает свой народ мыслить и жить самостоятельно и не утрачивать светлых надежд на свободный и демократический Узбекистан.

Как одинокий и сумрачный памятник, стоящий в глубине аллеи и углубившийся в свои идеи, Салих уже вкусил славу и известность. Но теперь он вновь стоит один и отчужденный. Возможно, уместно вспомнить определение самого Салиха: «Великий человек – всегда одинокий человек».

Руф ДИБЛЕР

Университет Индиана (США)
Блумингтон – 1996

Ruth DIEBLER

Literature and Politics: Mohammed Salih and Political Change in
Uzbekistan From 1979 to 1995
Indiana University
Bloomington – 1996

Рустем ДЖАНГУЖИН

Редактор, автор предисловия

Юлия РУДЫЙ

Подстрочный перевод с английского